

16+

ДВОЙНЯШКИ ПО ОШИБКЕ

ВЕРОНИКА ЛЕСНЕВСКАЯ

Вероника Лесневская
Двойняшки по ошибке.
Случайная встреча
Серия «Роковые подмены», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67821552
SelfPub; 2022*

Аннотация

– Какого черта ты распространяешь слухи, будто я – отец твоих детей? – цедит босс.– Что? Это не я! Наоборот, я скрывала правду.– Решила детей пристроить? Не на того нарвалась. Я никогда не изменял своей жене. И она беременна. МОИМ ребенком. В отличие от...Опускает взгляд на двойняшек, которых я держу за ручки.– Почему они здесь? – задерживается на сыне, всматривается в его глаза: серо-голубой и зеленый. – Что за...– Особенность от папочки. Настоящего. И это не вы! – вру, чтобы босс успокоился. У Туманова ее нет. Смотрит на нас своим темным взглядом. Но вдруг меняется в лице, глаза округляет. Свет падает на его радужку – и я замечаю, что он носит линзы. О нет...– Злата, в мой кабинет, быстро! – рявкает грозно. – Нам надо поговорить.*Когда-то он перепутал меня со своей невестой. Между нами – случайная встреча, которую я хотела забыть. Но две полоски на тесте и двойня на УЗИ не позволили мне этого

сделать...***История Адама Туманова – в книге "Тройняшки не по плану. Идеальный генофонд"

Содержание

Пролог	5
Встреча первая. Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	46
Глава 7	52
Глава 8	65
Глава 9	81
Глава 10	99
Глава 11	105
Глава 12	123
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Вероника Лесневская

Двойняшки по ошибке.

Случайная встреча

Пролог

– Пылаева! Какого черта ты распространяешь слухи, будто я – отец твоих детей? – цедит босс.

– Что? Это не я! – испуганно возражаю.

Наоборот, я всеми силами скрывала правду. Двойняшки – только мои. И нам не нужны лишние проблемы. Ведь Марк Туманов – генеральный директор медиахолдинга, в котором я работаю. И от одного его слова зависит моя карьера.

– Решила имидж мой подорвать? – разгоняется Туманов. Эмоции плещутся в нем, как в центрифуге. – Или малых своих удачно пристроить? Выбери себе другого богатого глупца, – больно бьет несправедливыми словами. – Не на того нарвалась. Я тебя впервые здесь увидел. И никогда не изменял своей жене.

– Никогда... Как скажете, – лепечу тихо и голову опускаю.

Когда-то этот мужчина перепутал меня со своей невестой. Мы провели вместе всего одну роковую ночь, о которой он так и не вспомнил, а я всей душой хотела забыть. Но две

полоски на тесте и двойня на УЗИ не позволили мне этого сделать...

– Не смей нервировать мою жену этой ложью, – злится он. – Она беременна. МОИМ долгожданным ребенком, – прикрываю глаза, шумно вбирая носом воздух, но босс совершает контрольный выстрел: – В отличие от этих...

Опускает взгляд на двойняшек, которых я держу за ручки. Анечка ладошку Марку протягивает – «мириться» собирается, хотя ничего плохого не сделала. Но Артем особняком держится. Смотрит на папку своего с прищуром, будто готовится удар отражать.

Босс, в свою очередь, сканирует обоих. Долго, пристально. Вот и познакомились...

– Почему тогда они здесь? – договаривает Марк машинально, а сам задерживается на личике сына, всматривается в его глаза: серо-голубой и зеленый. – Что за...

– Гетерохромия. Редкое явление, по наследству передалось, – тататорю я, мечтая скорее избавиться от него. – От папочки. Настоящего! Так что, как видите, это не вы, – отчаянно вру, чтобы босс успокоился.

Ведь у Туманова гетерохромии нет. За дни работы в холдинге я в этом убедилась. Решила, что именно в этой особенности виноват не он – мало ли по каким генам она пришла. Не обязательно от отца! Вот и сейчас босс смотрит на нас своим темным взглядом. Мне нечего опасаться – я сохраню свою двойную тайну.

Но вдруг... Марк меняется в лице, глаза округляет. Свет падает на его радужку – и я впервые замечаю, что он носит линзы.

О нет!..

– Пылаева, в мой кабинет, быстро! – рывкает грозно. – Нам надо серьезно поговорить.

**История родителей – Альберта и Валерии – в книге "Сбежавшая жена босса. Развода не будет"*

**История Адама Туманова – в книге "Тройняшки не по плану. Идеальный генофонд"*

**История Алены Тумановой (Царевой) – "Личная красавица босса. Свадьбы не будет"*

**История Снежаны и Вадима Шторма – "Близняшки от босса. Сердце пополам"*

Встреча первая. Глава 1

Два года назад

Злата

– Бо-оже, кто это?

Распахнув глаза, оказываюсь лицом к лицу с абсолютно посторонним мужчиной. Так близко, что чувствую его размеренное, но невероятно горячее дыхание. Застываю, как обожженная глина, забывая выдохнуть.

Незнакомец крепко спит, обняв меня и прижав к себе. Даже во сне все контролирует. Стоит мне предпринять слабую попытку выбраться из его медвежьих лап, как капкан захлопывается, сдавив меня чуть ли не до потери сознания.

– Спи, моя рыжуля, – шепчет чужак, не открывая глаз. Ласково, с хрипотцой. Будто по-настоящему любит. – Отдыхай, – бросает утомленно и притягивает меня ближе.

Утыкаюсь носом в шершавую щеку, морщусь от колючей щетины. Мужчина шумно вбирает воздух, словно мой аромат съесть хочет, и выдыхает мне в шею.

– Ой, – вырывается из груди.

Покрываюсь мурашками от макушки до пяток. А мое сознание, кажется, до сих пор спит. В полной тишине слышу биение мужского сердца, что лупит мне в раскрытую ладонь.

Тук. Тук... Бам! Убираю руку и сжимаю в кулак.

Дожидаюсь, пока дыхание чужака станет спокойнее. За-

кусив губу до металлического привкуса во рту, я медленно и очень аккуратно запрокидываю голову.

– Да кто ты такой вообще? Какая я тебе «рыжуля»? – всматриваюсь в довольное, как у мартовского кота, умиротворенное лицо мужчины, и слова в горле застревают.

Молча изучаю жесткие черты. Незнакомец красив, но грубоват. Как внешне, так и... в своих действиях.

У него повадки дикого зверя. И взгляд нереальный. Кажется... В полудреме вспоминаю, как будто бы менялся цвет его глаз. Изумрудно-зеленый. Серебристо-голубой. Фантастика какая-то, иллюзия! Краски смешиваются в одну массу, взрывая мой разум и будоража чувства.

*

– Рыжуля, ты заявила ко мне с проверкой? – цепкие пальцы впиваются в мои бока. – Как видишь, после мальчишника я здесь один. Был, – носом в макушку мою утыкается. – Но валюсь с ног. А ты такая... м-м-м... Пахнешь сегодня особенно вкусно, – шумно вбирает воздух. – Не вовремя ты решила испытать мою выдержку. Сейчас я себя совершенно не контролирую.

Не понимаю, кто этот мужчина и о чем он говорит. Но чувствую себя с ним в безопасности. В отличие от Максима, который домой меня отвезти после праздника вызвался, а сам приставать начал в холле клуба. Я оттолкнула его, сбежала и такси взяла. Вот только неожиданно для самой себя уснула в салоне. Сама не понимаю, как так вышло.

Не помню, как добралась, но очнулась я здесь. В объятиях незнакомца. Или все еще сплю?

– Не включай, глаза болят, – зажмуриваюсь от вспышки света. И он тут же гаснет. – Я просто устала и хочу спать, – лепечу, а сама невольно лгну к натренированному телу.

Веки смежив, едва не мурлычу. Тепло так с ним, хорошо. И буря волнения внутри меня утихает. Будто я нашла свой причал. Наверное, все это мне снится.

– Слышу я по голосу, как ты «устала». Совсем другой, не похожий, – хмыкает задумчиво. – Кстати, мне нравится. Скажи еще что-нибудь, – переходит на хриплый шепот. Но я упорно молчу. – Обещала себя прилично на девичнике вести, ко мне брата приставила, чтобы следил. А сама... – цокает укоризненно. – Таксисту доплачивать пришлось за «доставку на этаж». Хорошо, хоть адрес назвать успела. Странно, что служебной квартиры, но ладно...

Вздохнув тяжело, на руки меня подхватывает.

– Я уснула случайно в машине, – бубню я в свое оправдание. – У меня собеседование у Туманова завтра, – зеваю, утыкаясь лицом в его грудь, которая почему-то ходуном ходит. – Я столько валерьянки от страха выпила.

– У-у-у, тяжелый случай. Собеседование, говоришь? Да легко, – смеется мужчина надо мной. – Только зря ты к Туманову с валерьянкой. Для Туманова ты сама, как валерьянка, – рокошет он, а я опять зеваю. – Девичник, я смотрю,

удался. Похлеще моего мальчишника... Больше не отпущу одну никуда, – заключает серьезно.

– У меня день рождения, – спорю я и глаза прикрываю, погружаясь в дрему. – Восемнадцатилетие...

– Совершеннолетняя ты моя, – хохочет он, откровенно издеваясь, но я по плечу нахала бью. – Ладно, как скажешь. У женщины нет возраста. Только вкус, – хочет поцеловать меня, но...

Покачнувшись, оступается и теряет равновесие, но держит меня на руках до последнего. Мы вместе летим на кровать, и только подушки смягчают наше падение.

– Ой, – смущенно вскрикиваю.

– Ры-жу-ля, – рычит каждый слог мужчина.

Какой приятный сон. Невольно улыбаюсь, отбрасываю все сомнения. Обвиваю мощную шею незнакомца руками.

Рваный вдох.

Поцелуй.

Мой первый поцелуй...

Испуганно округляю глаза, возвращаясь в настоящее. С трудом сдерживаю обреченный всхлип.

– Пожалуйста, – молю одними губами. – Хоть бы мы не...

Не могла я поддаться чарам первого встречного! Не так воспитана. Сокурсника Макса я ведь вчера оттолкнула! Правда, он мне не нравился никогда. Сын декана и напыщенный павлин. А незнакомец... Закусив губу, еще раз обво-

жу его взглядом. Сильный, заботливый, настойчивый, пахнет одуряюще брутально, красивый по-мужски, да еще и старше меня, как я всегда мечтала. Большой и мощный защитник для хрупкой меня...

Нет, все равно! Не могла!

Но сознание упорно подкидывает яркие картинки, от которых щеки покрываются румянцем.

Все-таки освобождаюсь из жаркого плена. Сползаю к краю постели, прижимаю к себе простыню. Мужчина бурчит что-то, поворачивается на другой бок, спиной ко мне, и, обняв руками подушку, спит дальше.

В голове как назло звучит его ласковый шепот. Гипнотизирующий. После лающего Макса он обворожил меня. И слова такие говорил, будто я действительно дорога ему. Из объятий не выпускал, в которых я слабовольно таяла. Это не могло быть реальностью! Всего лишь один из моих девичьих снов.

Но пробуждение бьет больно...

Подскакиваю, укутываясь в шелковую ткань. Осматриваюсь, выискивая среди разбросанной по комнате одежды – свою. Хватаю безнадежно испорченное, смятое и надорванное по шву вечернее платье. Специально напрокат взяла, чтобы восемнадцатилетие отметить, а теперь полную стоимость возмещать придется... Но главное, непонятно, как идти в этой тряпке сейчас. Благодарю отвратительную погоду, из-за которой я вчера решила надеть длинное пальто. Имен-

но под ним я и скрою свой позор.

Прислушиваюсь к себе. Боли нет, лишь слабый дискомфорт. И голова ясная, будто я выпалась на год вперед.

Может, все-таки приснилось?

Мельком мажу взглядом по постели и... Замечаю пару темных пятнышек на бирюзовых простынях.

От стыда и обиды по щекам стекают слезы. Моим первым мужчиной стал незнакомец, имени которого я не знаю.

И не хочу узнавать! Но...

На тумбочке – кожаная папка с документами и визитница. Тянусь к ней, достаю одну карточку.

Некий главный редактор рекламного агентства Никитенко И. И. был со мной этой ночью.

Лихорадочно машу головой, желая вытрясти из нее эту информацию.

С прищуром на спящего мужчину смотрю. Будь ты проклят, И. И.!

Натягиваю платье, беру туфли в руки, чтобы не разбудить чужака цокотом каблуков, на носочках бреду к двери. Напоследок оглядываюсь – и тут же ругаю себя за это. Нельзя привязываться к чужому мужчине! Пусть и такому притягательному. Накинув пальто, толкаю деревянное полотно плечом и ускоряю шаг, игнорируя сонный голос, доносящийся из квартиры.

Бежать!

Быстро. Далеко. И навсегда.

Никто не узнает об этой случайной ночи. Она рассеется с первыми лучами солнца на рассвете.

Я вычеркну мужчину из памяти.

Шустро пересекаю огромный коридор, нервно и часто жму на кнопку лифта и, когда створки разъезжаются, влезаю внутрь. Оказываюсь заключенной среди зеркал. Вздрагиваю, испугавшись своего отражения. По мне будто катком проехали. И не один раз.

Обрывки воспоминаний не вовремя лезут в голову. Примерно так все и было. Причем я не сопротивлялась. Наоборот... А теперь «каток» довольно отдыхает в своей постели.

Привожу себя в порядок перед зеркалом, приглаживаю огненные волосы, что достались мне от природы, поправляю одежду, застегиваю нормально, а не через пуговицу.

Лифт открывается – и я, выскочив в холл, сталкиваюсь... со своим отражением.

Женщина, дико похожая на меня, пристально сканирует мое лицо. Приоткрываю рот и, затаив дыхание, бессовестно изучаю ее в ответ. Ее огненно-рыжие волосы выпрямлены и идеально уложены. Я предпочитаю подобную прическу, но после этой ночи я до ужаса растрепанная.

Надо бы отвести взгляд и пройти мимо незнакомки, но я ничего не могу с собой поделать. Пялюсь дальше. Тонкая фигура облачена в темно-синее пальто известного бренда. И это оригинал. Понимаю по пошиву, деталям и фурнитуре. А

еще потому что... на мне сейчас похожее. Только подделка с распродажи. На фирменную одежду у меня элементарно нет денег.

Незнакомка замечает нашу схожесть, кривится и обводит меня высокомерным взглядом. Останавливается на пальто – и быстро распознает его происхождение. А вместе с ним всю меня воспринимает, как жалкую копию. Без слов, одной лишь давящей энергетикой заставляет меня поежиться, почувствовать себя ущербной.

Хотя я тоже не рада встрече.

Видеть свою копию странно... И жутковато...

Однако, присмотревшись внимательнее, я замечаю разницу.

Женщина напротив старше меня, ухоженнее и выше ростом. Глаза карие в отличие от моих зеленых. Черты ее лица другие. И выражение такое... надменное, горделивое.

– Практикантка? – изгибает идеальную бровь.

Оглядываюсь и понимаю, что спустилась на этаж офисных помещений. Наверху, видимо, служебные квартиры, а само здание отдано под какую-нибудь крупную компанию. Обстановка знакомой кажется, будто я видела ее раньше на фотографиях в интернете.

– Гостья, – выпаливаю я, но мой ответ «двойнику» не по душе приходится.

Она многозначительно смотрит в направлении лифта, пытаясь понять, на каком этаже я была. Осознаю, что могу рас-

секретить себя. И спешу исчезнуть.

Огибаю ошеломленную дамочку, слегка задев ее плечом, – и мчусь через огромный холл. Ныряю в толпу сотрудников, что спешат по делам. Теряюсь среди них.

Судорожно ищу выход.

– Ирина Игоревна? – летит в меня откуда-то сбоку.

Какой-то мужчина уверенно идет ко мне, папкой с документами размахивает. Нет уж, хватит на сегодня незнакомцев!

Опускаю голову, ускоряю шаг. Упираюсь ладонями в стеклянную дверь – и буквально вываливаюсь на улицу. Ледяной воздух бодрит. И я делаю глубокий вдох, чтобы прояснить мысли. Выпускаю клубок пара.

Оборачиваюсь и задираю голову, чтобы прочесть название места, где я каким-то чудом оказалась.

И едва не теряю сознание.

Медиахолдинг Марка Туманова.

Именно к нему я должна была явиться на собеседование этим утром. Прилежная студентка института дизайна, я так сильно хотела практиковаться здесь, что не расставалась с визиткой генерального директора. Даже на праздник, который друзья организовали в честь моего совершеннолетия, я взяла карточку с собой. Вот откуда адрес! Видимо, поэтому таксист и привез меня именно сюда.

А я...

Провела ночь с редактором того самого отдела, куда я

должна была заступить сегодня на практику. Если бы прошла собеседование у гендира. Угораздило же...

Смахиваю жгучие слезы со щек. Я больше не вернусь в это здание. Не хочу, чтобы тот мужчина узнал меня.

Никитенко И. И.

Я сама разбила свою мечту. По глупой случайности. Поддалась чувствам, впервые наплевав на здравый смысл.

Ноги моей здесь не будет. Прочь!

Глава 2

Марк

Хлопок двери действует на меня как будильник, взрывая и без того больную голову. Разворачиваюсь нехотя и протягиваю руку, медленно провожу по пустой подушке, которая хранит слабое тепло. И запах... печенья с корицей. Такой вкусный, что хочется попробовать. Втягиваю носом. Что-то новенькое. Обычно Ира предпочитает цветочные ароматы. Мне, в принципе, глубоко фиолетово – я не нюхач и принимаю любые духи. Но эти... просто попадание в десяточку. Сразу в голову ударили, как только Ира на пороге появилась. И оказалась в моих объятиях. А потом...

Та-ак! Секундочку!

– Рыжуля? – зову настороженно.

Открываю глаза – и осматриваюсь: вокруг все немного плывет. Черт, вчера дурацкие линзы в душе смыл. Выдвигаю верхний ящик тумбочки, нахожу новый набор. Откинув смятую простынь, тяжело поднимаюсь с кровати.

Куда. Делась. Ира?

И была ли она на самом деле? Или это все плод моей больной, взбудораженной фантазии? Шутка ли – полгода на голодном пайке. Я далеко не аскет, но ради спутницы жизни готов на многое. Тем более, если мне посчастливилось отхватить непорочную девушку.

Есть женщины для здоровья, а есть жена. И вот она как раз – святое. Именно супругу я увидел в Ире, когда нас познакомил Давид – мой партнер по бизнесу и ее брат.

Умная и сдержанная, из небогатой, но интеллигентной семьи, скромная, однако знающая себе цену, талантливая. Выпускница института дизайна, а теперь – редактор рекламного отдела в моем холдинге. Бизнес крайне важен для меня, и я рад, что Ира смогла приобщиться к общему делу.

Еще она дико красивая, на чем друг и сыграл: знал, что я рыженьких обожаю и, как все мужики, люблю глазами. В курсе Давид был и строгих нравов моей семьи.

Для родителей брак – это нечто нерушимое, один раз и на всю жизнь. Так что к невестке соответствующие требования. Я к этому свободнее и проще относился, да и в плане женщин себе никогда ни в чем не отказывал. Ровно до того момента, пока не задумался о собственной семье. И тут перещелкнуло что-то в черепашке. Видимо, на уровне подсознания все же засели родительские догмы.

Ира появилась очень вовремя. Она идеально подошла мне по всем пунктам. Заманила в свои рыжие сети. Особенно тем, что не спешила сближаться физически. Я до последнего не верил, что в свои двадцать два она сохранила невинность, но ее поведение буквально кричало об этом... И стало решающим фактором. Все-таки будущая мать моих детей должна быть чистой. Я не раз повторял это Давиду, который каждую мимо пролетающую юбку чуть ли не в невесты себе

записывал.

Я же умел разделять мух от котлет. И отличать мимолетные связи от чего-то серьезного.

Как итог – подготовка к свадьбе с Ирой. А до нее – отношения, завязанные исключительно на поцелуях. Все-таки я уважаю свою женщину. Хотя порой это чертовски сложно.

Идиотские полгода.

Неудивительно, что вчера мы оба сорвались. Или только я, а она не выдержала напора? Сдалась и пожалела об этом? Где Ира сейчас, черт возьми!

Может, все-таки почудилось? Хотя ощущения чересчур реальные. Помню все до единого вздоха. Не сказал бы, что рыжухе совсем не понравилось. Вряд ли она играла. Слишком неподдельные эмоции выдавала.

И главное, мои предположения оправдались. Только моя она.

Взъерошив волосы нервно, иду в ванную. Достāju темно-серые линзы из специальной жидкости. Провожу привычные манипуляции. Оперевшись руками о раковину, всматриваюсь в свое отражение в запотевшем зеркале.

Зрение я мог бы и очками корректировать, но меня напрягает совсем другое. Цвет глаз. Серо-голубой и зеленый. Гетерохромия с рождения. Эта дрянь в нашей семье наследственная. Нам с братом от деда передалась. Раздражает меня. И даже Ира не в восторге, поэтому стараюсь скрывать.

Впрочем, вчера ей было все равно. Наоборот, восхищенно

шептала что-то на выдохе. А-ай, какая она нереальная все-таки была...

– Марк? – доносится из комнаты голос. Знакомый, который я слышу каждый день, вполне приятный, но... Не такой, черт возьми, как ночью! Да что происходит в моей башке?

Осторожно выхожу из ванной, обращаю внимание на Иру. Стоит возле кровати, уже одетая, будто сбежать собралась. Кто же ее теперь отпустит?

Она двумя пальцами брезгливо край простыни держит и, скривившись, смотрит на матрас. Недоуменно голову опускаю, скольжу взглядом по бирюзовому шелку.

Останавливаюсь. Перевариваю увиденное.

Вот блин.

Значит, не сон.

И, судя по хмурому личику Иры, доволен этому только я. Понятия не имею, что говорить и как себя вести в таких ситуациях. Ведь, по сути, она у меня тоже первая такая. Чистая и нетронутая.

Была до вчерашней ночи...

– Марк, ты козел! – на ультразвуке выдает Ира, вынуждая меня прищуриться.

От визга, отличающегося от вчерашнего звучания, уши закладывает на доли секунды, а голова раскалывается надвое, как спелый кокос, сорвавшийся с пальмы. Вот только райского наслаждения, обещанного в одной из реклам, дальше не следует. Впрочем, мне и так на сегодня достаточно.

Теперь дико хочется отдохнуть, но сначала я должен помириться с невестой.

Ира отпускает простыню, и шелковая ткань плавно опускается ей под ноги. Задумчиво веду взглядом по траектории ее падения, останавливаясь на следах. Ухмыляюсь довольно, но тут же жалею об этом.

– Я не знаю, как ты после ЭТОГО будешь заслуживать мое прощение, – фыркает Ира, как проколотая шина.

Переигрывает слегка. Не так все и плохо прошло для первого раза. Да и свадьба через месяц, хотя я предлагал еще раньше провести. Ира перенесла дату. В любом случае, ничего критичного не случилось.

Но, вопреки здравому смыслу, она разворачивается на каблуках, яростно потоптавшись на несчастной простыни, гордо откидывает рыжую копну волос на спину и шагает к двери.

– Стоять, – ровным тоном окликаю я, и Ира слушается мгновенно. – Мы не бежим от проблем, мы их обсуждаем, – напоминаю наше главное правило, но добавляю уже мягче: – Рыжуй, я был нетерпелив и груб? Больно тебе сделал?

Ира выдыхает шумно и оглядывается.

– Да уж мало приятного, – губки сжимает.

Одной хлесткой фразой на кусочки меня шинкует. «Мало приятного»? А мне показалось иначе. К чему сейчас эти ужимки? Ира всегда казалась мне искренней, серьезной и

прямолинейной. А сейчас строит из себя...

Однако, тяжело вздохнув и запихнув куда подальше свою уязвленную мужскую гордость, я подхожу к невесте. За руку ее беру, пока не решаясь приобнять.

– Ты приехала неожиданно и застала меня врасплох, – оправдываюсь, но звучит странно. Ира только сильнее мрачнеет.

– Ты всегда говорил, что это наша общая квартира, – справедливо напоминает она. – Здесь вещи мои, документы рабочие. Вон папка с визитницей, – кивает на тумбочку.

– Брось. На черта тебе визитница посреди ночи понадобилась? – выпаливаю я. – Ты просто не доверяешь мне, хотя я тебе повода не давал. Примчалась проверить, один ли я? Один, Ириш, как и все эти полгода. Проверила, молодец, – усмехаюсь виновато. – Вот только отпустить тебя я уже не смог. Выдержка треснула.

Злюсь на себя за то, что сорвался. Столько терпеть, чтобы потом девчонку под каток пустить. Никакой сказки и романтики.

– Посреди ночи? – вздергивает брови Ира. Впивается в меня внимательным карим взглядом.

– Ну, или под утро. Я не смотрел на часы, не до этого было, – прищуриваюсь лукаво и взглядом невесту ласкаю. – Прости, рыжуй, – приближаюсь вплотную. – Нежная моя, на что ты рассчитывала, когда обнимала меня и мурлыкала на ухо? Не прошел я испытание, так что наша первая брач-

ная ночь состоялась раньше срока и не так красиво, как ты ожидала, – Ира напрягается в моих руках. – Но я готов испить свою вину, – тяну многозначительно.

– Первая брачная... – задумчиво повторяет она.

– Ну да, немного до свадьбы не дотянули. Но это ерунда. Наши планы не меняются, не переживай, – спешу невесту успокоить. Пусть не думает, что я ее брошу, получив свое. Наверное, поэтому она и разнервничалась. – Наоборот, я ценю твою чистоту. Ты же знаешь, как для меня это важно, – касаюсь губами холодной щеки.

Непроизвольно делаю вдох – и в носу щекочет от приторного аромата розы и герани с медом. Чуть отстраняюсь, чтобы не чихнуть. Но как назло Ира обвивает мою шею руками, подается ближе и ресницами взмахивает кокетливо.

– Для меня тоже важно, чтобы мужчина был один и на всю жизнь, – заигрывает она. – Поэтому я и расстроилась, когда... – осекается, мазнув взглядом по простыни.

Значит, простила.

Я бы выдохнул с облегчением, но перспектива потом впустить в себя ее цветочный запах меня останавливает. Так и застываю с парализованными легкими.

– Верни те духи, – не выдерживаю я.

– М-м-м? – вчера ее мычание более обезоруживающе на меня влияло. Сейчас никак...

– Новые, – поясняю хрипло, – с корицей.

Ира резко отстраняется и шаг назад делает. Обхватывает

себя руками, будто запах свой прячет. Я этому, честно говоря, рад, потому что не могу думать ни о чем, кроме проклятой корицы. Впиталась в меня, обворожила. Мне не могло померещиться – до сих пор чувствую. Зачем Ира его смыла и забила дурацкими розами?

– Не могу, аллергия на них оказалась, – бурчит невеста.

– Жаль, – вырывается у меня.

– Марк, раз уж между нами все произошло, – косится на кровать и тут же отворачивается, плечами передернув. Да что ж такое? У меня скоро комплексы развиваться начнут! – Я думаю, нам следует ускорить свадьбу. Мне некомфортно после всего случившегося быть не расписанной, – лепечет смущенно.

– Не вопрос, – делаю шаг к ней, но останавливаюсь. – Я изначально другую дату предлагал, как раз следующую субботу, но ты сама просила перенести. Сказала, у тебя процедуры какие-то женские. И запись за две недели, – хмыкаю я.

Девушки иногда очень смешные в своем стремлении почистить перышки. Как будто мужчинам куклы пластиковые нужны. Однако вчера Ира настоящей была, этим и покорила.

– Я договорилась, – не теряется невеста. – Суббота – отличный день, – вздыхает мечтательно и наконец-то улыбается.

Сама обнимает меня, буквально повисает на шее. Дерзковато. И целует смело. Ни следа от ее вчерашней скромности и нежности не осталось. Хотя ни к чему больше это. Сам

невесту испортил.

Отвечаю на поцелуй. Другой, без привкуса домашнего печенья.

Бред.

Зато моя...

Глава 3

Несколько дней спустя

Злата

– Рыжусля, – бархатный голос ласкает слух.

Улыбаюсь, забывая, что нельзя поддаваться напору. Всем мужчинам нужно только одно. Мама с детства вбивала мне в голову эту истину. Диктовала правила приличия. Твердила, как важно хранить себя до свадьбы. Сама же она растила меня без отца, наверное, поэтому и пыталась уберечь от своих ошибок.

Когда мне исполнилось пятнадцать, у меня появился отчим. И пока мама продолжала мучить меня нравоучениями, он оскорблял меня и ни во что не ставил, желая скорее избавиться. Даже когда мне удалось поступить в престижный институт в столице, похвалы я не дождалась. Отчим проводил меня со словами: «На панель она едет, а не в институт». И запретил маме пересылать мне деньги.

Комната в общежитии, стипендия и подработка фрилансером в сети помогли мне выжить в большом городе. При этом любого внимания парней я сторонилась. Наставления мамы прочно засели в моем сознании.

Я была настолько зациклена на этом, что в итоге система дала сбой. То, чего мама опасалась, со мной и произошло. Я оказалась в объятиях незнакомца. Он стал моим змеем-ис-

кусителем. Подарил мне иллюзию любви и защиты, которых я не знала дома.

Психика сыграла со мной злую шутку. Я неожиданно для самой себя потеряла контроль. Ума не приложу до сих пор, как это могло произойти. Хотя руководствовалась я в ту роковую ночь далеко не разумом...

– Ры-жу-ля, – легкое дуновение ветерка скользит по моей щеке.

Что-то шлепается перед с моим лицом на стол – и я резко подскакиваю, не успев глаз разлепить.

– Пылаева, вы в институт поспать пришли? – раздаётся грозный голос профессора. – Я всю пару терпел, но сегодня вы сама на себя не похожи. Заболели? Так сидите дома, не заражайте однокурсников.

Поглядываю на учебник, который лежит рядом. Видимо, им преподаватель меня и разбудил.

– Вымоталась, – ехидно выкрикивает кто-то, но я спросонья не могу найти источник звука.

– Извините, – лепечу тихо.

Сижу смирно до конца пары. Играю роль прилежной студентки, а мыслями витаю где-то далеко. Сказываются усталость и эмоциональное истощение. Я очень нервничаю, а ночами боюсь глаза сомкнуть. Потому что во сне обязательно улетаю к НЕМУ. Переживаю нашу встречу снова и снова.

– Злат, ты совсем расклеилась, – толкает меня в бок подруга. – Неужели все выходные с Максимом провела? До-

бился он своего все-таки? – подмигивает и бровями играет. – О безопасности не забыла? Знаешь, мужики о таком не думают.

Ее небрежная фраза на секунду меня парализует. У меня дыхание перехватывает, а в груди горит. Вспоминаю случайного незнакомца. Его жаркие слова и порывистые действия. Уверена, что он думал далеко не о безопасности. Впрочем, я тоже...

– Плохо, – добивает меня подруга. Вырывает листок из тетради, что-то пишет на нем, кладет передо мной. – Вот. Экстренная контрацепция. Правда, времени многовато прошло, но попробовать стоит. Все лучше, чем аборт. Декану внуки не нужны явно, – добавляет с сарказмом.

– С ума сошла, Оль? – фыркаю я, а у самой внутренности в узел сворачиваются от паники. – Я не была с Максимом, – хмуро кощусь в сторону сына декана. – При чем тут он?

– Брось. Все видели, как он тебя в клубе обхаживал, сок подливал, крутился вокруг. И праздник весь для тебя Максим организовал. По доброте душевной, думаешь? –жимаю плечами. – Наивная. Но ладно, тебе по возрасту положено такой глупышкой быть. На нашем курсе ты младше всех, – снисходительно отмечает Оля. – Ну, слушай, вы же вместе с Максимом из клуба уходили. Да и он друзьям растрезвонил, что крепость пала, не выдержала тарана.

– Пф, чушь, я на такси уехала, – и затихаю, прикусив язык. Не могу же я признаться, где и с кем на самом деле ока-

залась той ночью.

– Тебя в общаге не было, – парирует подруга. – Не знаю, как на выходных, я ведь домой уезжала, а именно в ту ночь точно не было, – прищуривается, а мне нечего ей ответить. – Не хочешь, не рассказывай. Я от тебя ничего не скрываю, между прочим.

– Нечего рассказывать. Максим врет, – бурчу я и сумку лихорадочно собираю.

– Кстати, как твое собеседование? – спохватывается Оля. Не понимает, что этим вопросом режет меня, бьет, выворачивает наизнанку.

– Собеседование... не состоялось, – выдавливаю из себя. Прощаюсь с Олей, потому что хочу позаниматься в библиотеке, а ей учеба неинтересна. Освобождаюсь только к вечеру. И устало плетусь к автобусной остановке.

– Подвезти, золотце? – доносится со стороны стоянки, и я удивленно поворачиваю голову. – Я теперь как бы в ответе за тебя, – многозначительно лыбится Максим.

Следом раздается дикий хохот его друзей. Окидываю взглядом нахала. Он стоит, облокотившись боком о машину, купленную ему отцом. Важно, надменно. Точно павлин с распушенным хвостом. Знать не хочу, что он наговорил парням обо мне. Но догадываюсь. Из-за этого щеки вспыхивают жаром. Надеюсь, под веснушками и тоналкой незаметно.

Надо бы молча уйти, но стоп-кран сорван. Обида выжгла здравый смысл. Требуется вендетты. И я себя больше не кон-

тролирую.

Обворожительно улыбаюсь, грациозно подхожу к Максиму, под руку его беру и тянусь к щеке. Но целовать не собираюсь – противно. Мне даже запах его не нравится. В отличие от проклятого незнакомца...

Отгоняю от себя навязчивый образ идеального мужчины. И переключаю внимание на смазливого папенькиного сына.

– Что, опять к тебе? – вгоняю Максима в ступор своим вопросом. – Думаешь, на этот раз у тебя получится? – он багровеет от злости, осознав, к чему я клоню. – Не переживай ты так, – шепчу с нотками сожаления, но достаточно громко, чтобы остальные парни слышали. – Ну, не смог с первой попытки. Бывает... – вздыхаю сочувственно. – Правда, и со второй тоже. И...

– Эй, у нас вообще ничего не было, – перебивает меня, отталкивает и перед друзьями оправдывается: – Пошутил я. Кому она нужна, – затоптать меня пытается, чтобы возвыситься на моем фоне.

Отвратительный внешне и гнилой внутри. Хорошо, что я сбежала от него после праздника. Зато я получила очередной урок: мужчины никогда ничего не делают для тебя просто так. Надо было сразу отказаться от «подарка» на день рождения и не идти в клуб. Это избавило бы меня от многих проблем. В том числе и от того незнакомца...

Гордо вздернув подбородок, разворачиваюсь на каблуках и уверенно цокаю к автобусной остановке. Пусть у меня нет

богатых родителей, связей или щедрого «папика», зато я никому ничем не обязана. Я получу образование и всего добьюсь сама.

Но сейчас...

По пути заезжаю в аптеку. Украдкой достаю листок, который все-таки стащила у Оли, протягиваю фармацевту, стесняясь вслух название читать. Купленную коробочку тут же прячу в сумку, скрывая от посторонних глаз. Стыдно, что дошла до такого.

Дома принимаю таблетку, запивая водой вперемешку с собственными слезами. Всю ночь готовлюсь к очередному экзамену, а под утро, обессиленная и дико уставшая, отключаюсь прямо за столом. И ни капли не удивляюсь, когда во сне опять вижу ЕГО.

Говорят, что своего первого мужчину невозможно забыть. Но я справлюсь.

Глава 4

Три недели спустя

Злата

– Как у вас дела, мам? – шепчу в трубку.

Сижу, закрывшись в туалете общежития. Не знаю, сколько провела уже здесь. Сначала пять минут, как было указано в инструкции. Потом еще столько же в ожидании результата.

И... ступор. Я потеряла счет времени...

– Нормально все, – тянет мама в ответ, не вдаваясь в подробности. – А ты как? Учишься?

Мы созваниваемся крайне редко, но каждый раз она спрашивает одно и то же. Под влиянием отчима сомневается, что я вообще поступила.

– Учусь, мамуль, учусь, – вздыхаю я обиженно. – Могу скан-копию зачетки вам по электронной почте прислать. Покажешь отчиму, – фыркаю, не выдержав.

– Да мы с Ваней верим, чего ты, – спохватывается она. – Ты у меня умница, – небрежно брошенная фраза согревает душу. Мне не хватает мамы, ее скупой ласки и заботы. Вот только я опускаю взгляд и закусываю губу: да уж, умница... – Ванечка очень беспокоится о тебе, так что зря ты язвишь. Это он на нервах тогда выразился неправильно, боялся, что ты в столице в беду угодишь. А вообще любит он тебя как родную.

Закатываю глаза, вспомнив, как радостно отчим на вокзал меня провожал. Волновался он лишь о том, чтобы финансирование мне обрезать. Впрочем, у него это довольно быстро получилось. Буквально через месяц мама заикнулась о трудностях с деньгами. А я, как правильная и жалостливая дочь, заверила ее, что справлюсь сама. Хотя это было чертовски сложно, пока подработку не нашла.

– Чего нового? – поддерживаю разговор, который явно не складывается.

Я же хочу лишь поболтать с матерью, чтобы хоть немного отвлечься. А еще мне остро нужен совет. Потому что я в тупике, куда сама себя загнала.

Той роковой ночью...

– Ой, по-старому все. Чего в нашем захолустье интересного может случиться, – не идет на контакт мама, будто торопится оборвать связь. – Это в столице жизнь бурлит. А ты приехать хочешь? – уточняет настороженно.

– Не знаю...

Сжимаю подушечками пальцев небольшую тест-полоску, на которой двумя бордовыми линиями красуется мой приговор.

Таблетка не сработала. Видимо, я приняла ее слишком поздно.

Я беременна и понятия не имею, что с этим делать дальше.

– Ну, думай, – неоднозначно произносит мама. – Только у нас Ася сейчас в гостях, – намекает на дочку отчима. –

Ты не против, что мы ей твою комнату выделили? На время, конечно же.

Крупные соленые капли срываются с ресниц и летят вниз. Одна из них попадает на тест – так и замирает росинкой четко поверх двух полосок.

– Не против, – лгу я, едва сдерживая горький всхлип. – Нет, я... не приеду, – сжимаю в руке телефон лихорадочно. – У меня сессия. Ладно, пока, мам, мне заниматься пора, – спешу попрощаться, потому что поддержку здесь явно не найду.

Я окончательно убедилась, что осталась один на один со своей проблемой. И обратиться за помощью мне не к кому больше.

Сминаю тест-полоску в руке, до боли стискивая кулак. Упираюсь в него лбом – и срываюсь в рыдания. Плечи содрогаются, в горле будто ком застрял, а в груди пожар полыхает.

– Злат, ты чего там застряла? – стучит в тонкую деревянную дверь подруга. – В порядке?

С ней тоже «радостной новостью» делиться не собираюсь. Дико боюсь, что информация каким-то образом разнесется по институту. Еще не дай бог Максиму этого ребенка припишут.

– Да, сейчас, – пытаюсь выкрикнуть как можно бодрее.

Сама же нос яростно тру тыльной стороной ладони. Разжимаю кулак, в миллионный раз смотрю на тест, но полоски по-прежнему на месте. Смываю его в унитаз. Уничтожаю

улику.

Впрочем, через некоторое время мое положение будет видно не вооруженным глазом.

Если только я не исправлю ошибку...

Позже...

– Я хочу сделать аборт, – выпаливаю на одном выдохе.

Опускаюсь на стул напротив врача-гинеколога, медкарту свою отдаю. Действую быстро и рвано, чтобы не передумать. Я все решила.

– Хм... – доктор Береснева опускает взгляд, губы в одну линию сжимает. – Кхм... – откашливается, изучая результаты моих анализов. – Сколько вам лет?

– Восемнадцать, – сипло отвечаю, потеряв весь запал.

Боюсь в глаза доктору смотреть. Стыдно. Нервно заламываю пальцы, впившись взглядом в поцарапанную поверхность стола.

«Якобы учиться едет, а сама привезет в подоле. Чего от такой пигалицы еще ожидать», – острым ножом врезается в мозг фраза отчима. Которая стала моим проклятием.

– Молоденькая совсем... – произносит врач с легким оттенком сочувствия. – Группа крови третья отрицательная, – хмурит брови. – А у отца ребенка какая?

– Не знаю, – признаюсь тихо. И мрачней. – Нет никакого отца. Я одна.

Случайный незнакомец даже не вспомнит меня, а я... заставлю себя забыть. Как только... сделаю аборт.

Почему так больно? Почему так сильно ненавижу себя в этот момент?

– Проходите, – Береснева указывает рукой на дверь соседнего кабинета. – Раздевайтесь по пояс и ложитесь на кушетку, – делает какие-то пометки в моей карте.

Вот и все. Сейчас эта милая на вид женщина убьет моего нерожденного ребенка...

– Что? Уже? – постанываю, а глаза слезами наполняются. Смаргиваю соленые капли, щеки ладонями протираю яростно.

«Я все решила», – повторяю как мантру. Выбора нет.

– Пока что УЗИ вам сделаем, – спокойно сообщает врач, а я едва не вздыхаю с облегчением.

И тут же ругаю себя за слабость.

Зачем оттягиваю неизбежное? Нужно сделать... ЭТО – и забыть! Смогу ли я...

Боже...

– Нет! Зачем УЗИ? Мне не нужно, – лихорадочно качаю головой. – Говорю же, я пришла на аборт, – тараторю я. – Я читала, на моем сроке можно выпить таблетку и...

– Медикаментозный аборт, – по-прежнему ровно проговаривает доктор. Смотрит на меня исподлобья. – Это вы успеете. Срок позволяет. А вот я за ваше здоровье ответственность несу. И не могу не предупредить о возможных

рисках, – листает мои документы. – У вас уровень ХГЧ выше нормы. Давайте посмотрим, что у вас там, – хмыкает она.

У меня холодеет все внутри. Касаюсь ладонями плоского живота – и тут же одергиваю руки. Запрещаю себе привязываться.

Я. Все. Решила.

И УЗИ ничего не изменит. Скрываюсь в том самом кабинете. Лежа на кушетке в ожидании врача, окидываю взглядом небольшое помещение. Цепляюсь за несколько черно-белых УЗИ-снимков, что лежат на тумбе, и коробку с диском «Первое видео малыша». Наверное, их забыла одна из тех будущих мамочек, которые выходили из кабинета передо мной. Каждая – под руку с парнем или мужем. Все одинаково счастливые, сияющие.

А я одна...

Не могу больше сдерживать слезы – позволяю им стекать по вискам. Откидываю голову и зажимаюсь. Скорее бы все закончилось...

– Что-то не так? – беспокоюсь спрашиваю у врача, пока она делает УЗИ.

Не нравится мне ее напряженное выражение лица. А еще дискомфорт ощущаю от датчика внутри. И дикое смущение.

– Все так, как я и думала, – освобождает меня наконец-то, и я быстро одеваюсь. – В полости матки визуализируется два плодных яйца.

– И? – пропускаю детали мимо ушей, потому что боюсь

передумать.

– У вас двойня, – звучит как выстрел. В самое сердце.

Обреченно закрываю лицо ладонями. Моя прабабушка была тоже из двойни. Помню, я когда узнала об этом, то загорелась мечтой когда-нибудь родить близнецов. Растить сразу двоих, покупать им похожую одежду...

Мое желание сбылось, но...

– Не важно, – всхлипываю я.

Готова заорать на весь кабинет от несправедливости. От боли. От одиночества.

Почему все так сложно?

Когда я сделаю то, что задумала, я буду ненавидеть себя вдвойне.

– Важно, дорогая, – Береснева обращается ко мне мягче. – Отрицательный резус, многоплодная беременность. Велика вероятность, что после аборта ты вообще больше не сможешь иметь детей. Готова остаться бесплодной на всю жизнь?

– Что? – округляю глаза. – Нет. Но... Мне нельзя рожать, – хнычу я.

Нельзя. Потому что эти малыши никому не нужны. А одна я не справлюсь.

– Можно. И даже нужно, – возражает гинеколог. – Иначе бесплодие, – напоминает она. – С отцом двойни ясно, – цедит сквозь зубы. – Родители есть? Близкие?

– Мне не к кому обратиться за помощью, если вы об

этом, – шумно вбираю носом воздух. – Что же мне делать? – поднимаю на Бересневу заплаканный взгляд. Смотрю как на свою последнюю надежду.

– Родить, – кивает она. – И отдать малышей в другую семью, – добивает меня. Застываю и ресницами хлопаю. – Знаешь, сколько бесплодных пар мечтают, но не могут зачать? Документы можно оформить прямо в роддоме... Родишь и отдашь тем, кому нужны дети. Это единственный вариант...

Глава 5

Марк

– Опять не спишь? – доносится позади тихий, приятный голос.

Женские ладони опускаются на мои плечи, сжимают нежно, слегка массируют, цепляя ткань футболки ногтями. Ухмыльнувшись, откидываюсь на спинку кресла. Голову запрокидываю, прикрываю глаза.

И опять смутный образ в сознание лезет. Чужой, неправильный, но такой реальный. На протяжении минувших недель после свадьбы я сам не свой.

Рядом со мной шикарная во всех смыслах женщина, а я гоняюсь за призраком, которого сам себе придумал. Каждый раз уношусь мыслями в ту ночь, не похожую ни на одну следующую с Ирой. Наверное, это логично. Моя жена привыкла ко мне, стала смелее, раскрепощенней. Я должен радоваться, что приручил ее, но мне жутко не хватает ее скромности, смешного смущения, слабого «ой» и неподдельных эмоций. А еще того неповторимого ощущения с ней, будто я для нее целый мир. Теперь его нет, испарилось.

– Поработать надо, – лгу я, когда Ира наклоняется и целует меня в щеку. Касается шеи, дыханием щекочет.

Делаю чертов глубокий вдох. Обонятельные рецепторы в боевую стойку становятся, ждут тот самый аромат, кото-

рым я одержим. Чтобы впитать, сожрать, насытиться наконец. Почти месяц прошел, а я не переболел им. Ира пыталась найти альтернативные духи, которые аллергию бы у нее не вызывала. Все зря... И сейчас тоже мимо.

Я чувствую запах жженого сахара с резкими нотками, очень отдаленно корицу напоминающими. Не то. Совсем. А я просто идиот. Все больше склоняюсь к мысли, что выдумал все с голодухи.

– У нас толком медового месяца не было, между прочим. И сейчас ты весь в бизнесе. На меня времени нет, – шепчет Ира. Идеальная. Без изъяна. Моя...

Обходит кресло и, улыбнувшись, устраивается на моих коленях, обвивает руками шею. Вздыхает томно. Заигрывает, изображая обиду. Милая и соблазнительная, ничего не скажешь. Но...

Опять эти «но».

– Глупости, у нас вся жизнь впереди, – укладываю ладони на тонкую талию. – Успеем.

– А что если нет... – настороженно произносит. – Мы же в ту ночь не... – затихает, моей реакции ждет. И смотрит вопросительно, словно сама не помнит.

– Нет, – уверенно отвечаю.

Думать о барьерах рядом с ней – преступление. Тем более, в тот самый первый раз. Эталонный.

– Значит, беременность не исключена, – прищуривается задумчиво. Замирает, напрягаясь в моих руках. Сложно эмо-

ции ее считать.

– Ого, а ты уже детей хочешь? – пытаюсь обстановку разрядить. – Или наоборот не готова со свободной жизнью и карьерой расстаться?

– Я... – медлит с ответом, будто риски оценивает.

– Ну, чего ты, я не настаиваю, – смеюсь и в носик ее целую, который она морщит тут же. – Сама разговор завела. Мне и так нормально, куда торопиться, – выдаю честно.

Не то, чтобы я совсем детей не хотел. Но сейчас, когда моя голова забита черте чем, а подсознание сбоит, лучше подождать. Притереться с Ирой, привыкнуть друг к другу.

Забить корицу.

Тьху ты!

– Нет-нет, Марк, – подумав, лихорадочно рыжей головой вертит. – Я готова как раз к материнству. В конце концов, мне двадцать два уже. Пора.

«У меня день рождения сегодня. Восемнадцатилетие», – внезапно в мозгу выскакивает. Откуда? Что за чушь вообще?

– Хочу быть молодой мамочкой для нашего сына, – отвлекает Ира и льнет ближе.

– Ты уже и с полом определилась? – выдаю с насмешкой. – А почему не дочь?

– Мужчины всегда мечтают о наследнике, – уверенно заявляет.

– И у многих мужчин ты узнавала? – подшучиваю я.

Ира вспыхивает, взгляд отводит и бурчит чуть слышно:

– Ты знаешь ответ на этот вопрос.

Заставляет меня почувствовать вину. И за слова, и за порывистые действия той ночью. За все.

– Да, прости, – говорю серьезно. И целую жену. – Иди спать, я скоро.

Ира поднимается и молча кабинет покидает. Обиделась, наверное. Но я не переживаю, ведь жена мне попалась отходчивая. Еще один плюс в ее копилку положительных качеств, которая такими темпами переполнится скоро.

Возвращаюсь к ноутбуку. Пустым взглядом утыкаюсь в документы, читаю, пытаюсь вникнуть, но не разбираю текста. Сворачиваю к лешему, а вместо них запускаю поисковик.

Мне до сих пор требуется графический дизайнер в рекламное агентство. Ира одна не справляется. А девчонка, наброски которой я выбрал среди всех предложенных, так и не явилась в холдинг. Лентяйка. Надо бы кого-то опытнее найти, а не студентку бестолковую. Чем только думал?

И опять на те же грабли наступаю. Потому что вбиваю в строку поиска название вакансии, перебираю резюме новичков. Мне нужен свежий взгляд, что-то неординарное, иначе сожрут меня на рынке. Конкуренты и так с каждым годом сильнее становятся. Один Вадим со своим дурацким «Шторм медиа» чего стоит. То и дело меня подсекает.

Как назло среди примеров работ сплошная ерунда. Ничего не цепляет. Раздраженно кулаком по столу бью. Сам не

понимаю, почему меня неудача бесит. И зачем моему холдингу именно та лентяйка, прогулявшая собеседование. Но после ее "портфолио" все остальные меркнут.

Плохая идея. Не найду я бриллиант среди бездарей...

Однако пальцы упрямо лупят по клавиатуре. Оставляю короткую заявку, без деталей, чтобы конкуренты не пронюхали, и номер телефона. Мой личный. В надежде, что гений рекламных баннеров сам найдет меня. С этой мыслью устало в кресле разваливаюсь.

Но вдруг какая-то тревога необъяснимая накатывает. Будто упускаю нечто важное.

Чертов параноик!

Глава 6

Несколько месяцев спустя

Злата

– Настоятельно рекомендую вам перевестись на заочное отделение, а лучше – взять академотпуск, – чеканит декан убедительно.

Между строк так и читается: «Исчезни с глаз долой, не мелькай вообще в нашем институте. Главное, к сыночку моему не подходи».

– Нет, все в порядке. Я справлюсь. Все, чего прошу, это возможность свободного посещения в первый семестр, – таторию я, обмахиваясь зачеткой. Мне жарко и душно. – Буду дома готовиться к зачетам и экзаменам. Уверена, что все сдам. А в конце осени я рожу и...

«И оставляю малышей в роддоме, а сама продолжу учебу», – добавляю про себя. Пытаюсь свыкнуться с этой мыслью, зачерстветь, ожесточиться. Есть же женщины, которым плевать на собственных детей. Спокойно себе живут. Почему я так не умею?

Но научусь. Придется. В противном случае я перечеркну свое будущее, а детей обреку на нищенское существование. Сразу двоих! Разве это лучше?

– Вам будет сложно, – настаивает мужчина и очки на нос цепляет. Будто живот мой рассмотреть внимательнее хочет.

Ерзаю на твердом стуле, пытаюсь устроиться удобнее. Придерживаю округлый животик рукой. Дольше, чем нужно. Словно почувствовав меня, малыши отзываются слабыми, едва уловимыми движениями. Ощущение, будто рыбки внутри плавают. Улыбаюсь с нежностью. Материнской, но... Ругаю себя и резко отдергиваю ладонь.

Словно в наказание, внутри разливается неприятная ноющая боль. И поясницу тянет. Неужели опять к гинекологу идти?

Я так часто бываю в больнице, что мне пора выдать абонемент. Врачи ставят какие-то уколы, чтобы предотвратить реус-конфликт, постоянно проверяют состояние малышей. А я хоть и решила, что не оставлю их себе, но все равно переживаю.

Две жизни внутри – двойная ответственность. Пусть даже эти дети в перспективе станут чужими. По крайней мере, я со своей стороны сделаю все, чтобы они родились здоровыми – и нормально росли и развивались впоследствии.

Без меня...

– Я справлюсь, – говорю сипло. И сглатываю горький ком в горле.

– Обсудите этот вопрос с отцом ребенка, – декан неожиданно направляет тему в другое русло. – У него же есть отец? Кто? – прищуривается с подозрением.

Значит, я не ошиблась. Слухи по институту распространяются быстро, пусть даже и лживые. Видимо, декану донес-

ли, как его сын ухлестывал за мной. И догадками о той ночи поделились.

– Конечно, есть отец, – лукаво улыбаюсь я, впитывая весь спектр эмоций неудавшегося свекра: от паники до злости и обратно к страху. – Очень хороший. Красивый. Сильный. Добрый, – описываю незнакомца, каким его запомнила и дорисовала в своих мечтах. Наблюдаю, как декан бледнеет. – И это не Максим, конечно же, – заканчиваю с издевкой, которой мужчина, безусловно, не понимает.

– Бог миловал, – вздыхает с облегчением декан и по лбу ладонью проводит.

– Совершенно согласна, – дублирую его жест, но вкладываю в свои слова иной смысл.

Пересекаемся взглядами, но я выдерживаю эту зрительную схватку. Заставляю себя мило улыбнуться в то время, как хочется прибить декана его же ноутбуком. Гормоны бушуют, нервы ни к черту. Делаю глубокий вдох, но будто кипяток в легкие впускаю. Мне кажется или это лето аномально жаркое?

– Так вы пойдете мне навстречу? – наивно ресницами взмахиваю. – Пожалуйста.

– Со своей стороны я приму ваше заявление на свободное посещение, – сдается декан, убедившись, что я не несу угрозы его сыночку. – Но с преподавателями будете договариваться индивидуально. И сдавать все на общих основаниях, без поблажек.

– Без проблем. Я сдам, – уверенно киваю.

Институт покидаю в приподнятом настроении. Но оно тут же летит в ад, когда я сталкиваюсь на территории с Максимом. Видимо, папочку дожидается. Собираюсь игнорировать павлина и молча мимо пройти, но, стоит мне поравняться с ним, как бесцветный взгляд летит в сторону моего живота, сканирует внимательно.

– Беременная? – уточняет очевидное.

– Наела за лето, – язвительно парирую. И на доли секунды действительно сомнения в нем пробуждаю.

Закатываю глаза и собираюсь ускорить шаг, но неприятные ощущения в животе и пояснице захлестывают меня с новой силой, погружая в омут паники. Еще и дикая жара подливает масла в огонь, который пылает внутри. Дышу часто, но кислорода не хватает. Голова кружится, а сознание балансирует на грани обморока. Единственная мысль, которая больно пульсирует в висках: «Не навредить малышам».

– Вот надо было тогда со мной ехать, – цедит Максим издевательски. – Я вот умею вовремя остановиться.

В нормальном состоянии я бы точно рассмеялась ему в лицо. Умеет он! Языком только трепать. Но сейчас мне дурно. И срочно нужно к гинекологу.

Оцениваю путь до автобусной остановки, дорогу в больницу – и четко понимаю, что это уровень «со звездочкой», и его без читов мне не преодолеть. Одно неловкое движение –

и я потеряю сознание, упаду прямо на асфальт, рискуя удариться. Надеяться, что кто-то из прохожих поможет, – глупо, да и стыдно. Если за себя не так страшно, то о малышах приходится поволноваться, ведь у них сейчас есть только Я.

Стреляю прищуренным взглядом в Максима. Он мямлит что-то еще, но слова пролетают мимо ушей.

– Ты абсолютно прав! Ну, так поехали сейчас, – обезоруживаю внезапной наглостью.

Пользуясь его замешательством, шагаю к машине, распахиваю пассажирскую дверь – и обессиленно падаю на заднее сиденье. В салоне работает кондиционер, так что я наконец-то могу сделать глубокий вдох. Мысли проясняются, а мне самой становится легче. Но боевой запал лишь возрастает.

– Эй, вылазь, – испуганно рывкает Максим, но дотронуться до меня не решается. Будто я прокаженная.

– Не отвезешь в больницу, тогда прямо в машинке твоей новой рожу, – угрожаю несерьезно. Не насколько мне плохо, да и малышам рано появляться на свет.

Однако мужчины глупы и слепы в своей панике, когда речь идет о беременной женщине. Поэтому Максим молча садится за руль. И уже через час паркуется у здания женской консультации. Напряженно ждет, когда я покину идеальный салон его драгоценного авто, и мгновенно срывается с места. Позорно сбегает, заставляя меня захохотать. Но в то же время остаюсь благодарна павлину. Просто за то, что он удачно

оказался на моем пути.

В кабинете участкового гинеколога прохожу привычный осмотр, после чего замираю в ожидании приговора.

– Угроза прерывания беременности, – бесстрастно сообщает врач. И я крепко обнимаю живот руками, забыв о своем обещании не привязываться к детям. Гинеколог этот импульсивный жест игнорирует, потому что знает о моих планах после родов. Не одобряет, а ко мне относится, как к бестолковой кукушке. Не явно, но я чувствую это. И подтверждают мои догадки хлесткие слова: – Ложиться на сохранение будешь? Или оформлять отказ?

Глава 7

На следующий день. Злата

Поправляю сумку на сгибе локтя, останавливаюсь в коридоре больницы, чтобы немного отдышаться, и испарину со лба смахиваю. После пары капельниц, как только мое самочувствие немного улучшилось, мне все-таки пришлось ехать за вещами в общежитие, потому что привезти их мне некому. И хоть я старалась брать только самое необходимое, ноша все равно вышла внушительная. Забрала я из комнаты деньги, которые мне явно пригодятся здесь, и старенький планшет, который мне еще бабушка дарила в честь поступления в институт. Планирую нарисовать пару баннеров. Правда, в сети я смогла отыскать только мелкие заказы – и платят за них соответственно. Но хоть что-то...

Приближаюсь к своей палате, собираюсь толкнуть дверь, но замираю, услышав голоса. Еще утром у меня была одна соседка, да и ту планировали выписать сегодня. Хмурюсь, когда разбираю слова:

– Нет, ты на моем месте устраивайся. Меня выписали уже, – деловито указывает та самая соседка. У нас с ней общение сразу не заладилось: слишком любит поучать и много болтает. – А здесь занято. Малолетка одна вчера поступила. Отказница.

– Кто? – тихо отзывается новенькая.

– Ну, не знаю, как правильно назвать... Я на посту сестринском подслушала, что она своих детей в роддоме хочет оставить, – заговорщически шепчет. – Наверное, там семья неблагополучная. Так что ты тут аккуратнее, ценные вещи при себе держи. Мало ли...

Не могу сдержать слезы обиды. Рот ладонью прикрываю, чтобы подавить горький всхлип. Мало того, что конфиденциальная информация разнеслась по всему отделению, так еще и такие выводы обо мне сделали. Жаловаться главврачу глупо: только настрою медперсонал против себя, а мне еще малышей сохранять. Да и защитить мои интересы некому.

Но и насмехаться над собой не позволю! Яростно вытираю мокрые щеки, вздергиваю подбородок – и ударяю плечом в дверь, которая распахивается с грохотом. Натянув ехидную улыбку на лицо, уверенно прохожу мимо сплетниц, и они мгновенно умолкают.

Искося поглядываю на обеих. Бывшая соседка собрана, пакеты в руках держит. Видимо, уходить собиралась, но не упустила момента обсудить меня. Зато сейчас сбегает молча и быстро, шумно закрывая за собой дверь. Перевожу внимание на новенькую, а блондинка, присев на край койки, с интересом и грустью меня рассматривает. Столкнувшись взглядами, одновременно отворачиваемся друг от друга.

Бросаю сумку возле тумбочки, скидываю пальто – и принимаюсь вещи раскладывать. Планшет машинально под подушку прячу. Все-таки единственный источник заработка, и

это я, между прочим, волноваться должна, что его украдут...

Губы сжимаю крепко, опять разозлившись. Знакомиться с новой соседкой нет ни малейшего желания. Поэтому, управившись с содержимым сумки, забираюсь с ногами на кровать, сажусь поверх пледа. Бережно взяв планшет, запускаю его. Открываю сохраненный проект, погружаюсь в работу. Но меня отвлекает вкрадчивый голосок:

– Привет. Я Снежана, – произносит лицемерка доброжелательным тоном.

Вспыхнув, стреляю в нее мрачным взглядом. Я не в том настроении, чтобы в дружбу играть.

– Угу, – бурчу, намеренно отталкивая навязчивую соседку.

– Ты, кажется, Злата? – не унимается она. Недовольно вздыхаю: на смену одной болтушке другая пришла. – Красивое имя. Тебе подходит.

– Тебе твое тоже, – многозначительно кошусь на ее бледное лицо и светлые волосы. Точно снежная девушка.

– Какой у тебя срок? – добивает меня привычным для этого места вопросом. Но все, что касается детей, в штыки принимаю. Нельзя их трогать!

– Разве вы это уже не обсудили? – киваю на дверь, намекая на бывшую соседку.

– Да, – выдыхает виновато. – У меня почти такой же. И тоже двойня, – в тоне слышится улыбка. – Близняшки.

Закусив губу изнутри, поворачиваю голову к Снежане.

Наблюдаю, как она живот поглаживает. С нежностью и материнской любовью. Невольно укладываю ладонь на свой, согреваю – и внутри словно в ответ теплеет. Мой «аквариум» оживает. Отдергиваю руку, поймав на себе внимательный взгляд соседки.

– А у тебя королевская двойня: мальчик и девочка, – выдает она все, что узнала. – На этом моменте ты спугнула информатора, – смущенно улыбается. – Не обращай внимания, Злат, мало ли что другие говорят...

– Я и не обращаю, – фыркаю я и утыкаюсь носом в проект. Но работать нормально не могу: все плывет перед глазами.

Снежана намеревается продолжить беседу, которая больше похожа на ее монолог, но, к счастью, в палату медсестра заходит.

– Пылаева, – выбирает из нас двоих. Помогаю ей легким кивком. – Вот, перечень гормонов и витаминов, – кладет на тумбочку. – В ОМС они не входят. Самой придется закупать, – собирается уйти.

– Дорогие? – вчитываюсь в список.

– Ну, недешевые, – пожимает плечами, однако тут же спохватывается: – Но это рекомендации. Сама решай, покупать или нет, никто не навязывает. В отделении врачи обеспечат тебе лечение в рамках ОМС.

– Я не буду жалобы строчить, если вы об этом, – прерываю ее. – Я лишь хочу знать, на какую сумму рассчитывать.

– Так, ну... – смягчается медсестра. Приближается ко

мне, рецепт глазами пробегает, вслух произносит названия, к каждому цифру озвучивает. Я же складываю в уме – и итог меня не радует. Деньги у меня на исходе, мелкие интернет-заказы не изменяют ситуации, да и на их выполнение требуется время, а витамины моим малышам необходимы сейчас.

С трудом сдерживая обреченный вздох, лепечу сиплое: «Спасибо», а потом к телефону тянусь. Впервые за два года решаю переступить через себя – и обратиться за финансовой помощью к маме. Хотя знаю, что отчим будет недоволен.

– Мамуль, можешь мне немного денег перевести? – выпаливаю без прелюдий. Нервничаю и жутко боюсь, что откажет.

– Немного? А что случилось? – тянет она.

– Хм... У меня... проблемы со здоровьем, – говорю почти правду. Чувствую на себе испытывающий взгляд Снежаны, но пытаюсь его игнорировать.

– Ой, как же так? – причитает мама. – Что-то серьезное?

– Нет, ничего серьезного, – спешу ее успокоить. – Это... временно.

Родителям я так и не сказала о своей беременности. Зачем, если я не собираюсь детей оставлять себе? Только зря маму беспокоить... А чтобы живот никто не видел, я и на лето домой не поехала. Объяснила, что работу в столице нашла. Впрочем, некуда мне возвращаться – в моей комнате теперь живет Ася, а вместе мы сосуществовать не сможем.

– Пришлю, конечно, – восклицает мать, и я выдыхаю с облегчением. – В конце месяца зарплату получу. И сразу тебе часть вышлю, – забирает надежду. – Ася ведь поступает в этом году, Ванечка все сбережения на нее направил. Подготовительные курсы оплатил, жилье ищет. Сама понимаешь, как дорого образование дается, но без него никак, – оправдывается она, а я готова рассмеяться истерично. Мне ли не знать! – А тебе срочно? Может, бабушке позвонишь?

– Да, конечно, – отключаюсь, чтобы не расплакаться в трубку.

Бабушка и так мне помогает. Как я могу ее просить о большем? Ко всему прочему, объяснять придется. Это не мама. Она обязательно ложь мою почувствует – и докопается до сути.

Лихорадочно перекладываю телефон из руки в руку. И понимаю, что мне и обратиться не к кому. Оля у родителей на все каникулы, да и не так близки мы, чтобы деньги просить.

У моих малышей больше никого нет...

Хотя...

Хватаю сумку, судорожно перебираю ее содержимое, достаю почти самого дна и... выуживаю оттуда смятую визитку. Не знаю, зачем сохранила. Чтобы не мучить себя?

Касаюсь подушечками пальцев фамилии...

Никитенко И.И.

В конце концов, мы вместе в этом участвовали. Почему я в одиночку должна отвечать за общую ошибку?

Что если он не забыл меня? Как я его... А вдруг и против детей ничего не имеет?

Что если... Нет, глупости!

Но все же набираю номер. Выхожу из палаты, направляюсь в уборную, чтобы закрыться в кабинке. Надеюсь, хоть там никто не станет подслушивать.

Затаив дыхание, жду ответа. И подсознательно хочу услышать ЕГО шепот. Как тогда...

– Да? – уверенный женский голос заставляет меня потерять дар речи. – Кто это? – недовольно рявкает. – У меня нет времени на ваши шуточки, – прерывает звонок, когда на фоне издалека что-то говорит мужчина. Неужели... ОН? Слишком тихо, чтобы узнать.

Разочарованно откидываю телефон на пол, прячу пылающее лицо в ладони. И ругаю себя с новой силой, худшими словами.

Мало того, что я связалась с незнакомцем, так он еще и оказался... женат.

Не позволяю себе плакать, потому что знаю: я не смогу остановиться. Разнервничаюсь, отчего вновь живот заболит – придется помощи у медсестер просить, смотреть на их недовольные лица, будто от спасения мира их отвлекаю... Возможно, я преувеличиваю, но после слов бывшей соседки мне сегодняшняя смена медиков заочно не нравится.

Черпаю остатки сил из внутренних, потаенных резервов, которых, казалось бы, во мне совсем не осталось. Измучена,

высушена, растоптана трудностями. Чувствую себя спринтером на середине дистанции. Слишком большой отрезок пути уже преодолен – назад не повернуть. А то, что впереди, пугает сложностью и неизвестностью. Усталость и отчаяние захлестывают с головой, но вдруг открывается второе дыхание. И приходится бежать дальше...

«Никто ничего тебе не должен, Злата! Хочешь денег – заработай их!» – с этой установкой я прихватываю планшет из палаты и направляюсь к посту, наступив на горло своим страхам и стеснительности. Ни к чему это, когда перебиваешься с копейки на копейку. Я должна действовать!

Выдыхаю с облегчением, когда застаю за столом ту самую медсестру, что рецепт мне приносила. Она показалась не злой, а даже отзывчивой.

– Извините, а можно пароль от вай фая? – улыбаюсь натянуто. – Я знаю, что в отделении есть, – стараюсь говорить бодро и уверенно. – Вы не подумайте, я не для развлечений, а по работе. Буквально на часик. На сайт вакансий хочу войти и...

– Не положено, – громко и строго чеканит она, а я губу закусываю. Тут же из ближайшего кабинета старшая медсестра выходит, подтверждает запрет.

Понуриив голову, возвращаюсь в палату. Придется завтра в какое-нибудь кафе с бесплатным интернетом идти – все лучше, чем в общежитие опять ехать. Однако так не хочется время терять.

Погруженная в свои переживания, не сразу замечаю, что медсестра за мной следует. В палату заходит, плотно прикрывая дверь, и руки в бока упирает.

– Ну, ты чего громкая такая, а? – отчитывает меня, пока я ресницами непонимающе хлопаю. – Позвала бы меня, сказала тихонько, – нагло планшет у меня забирает. – Нам действительно запрещено пароль давать всем подряд, но... – шустро вбивает буквы и цифры, сохраняет. – Держи, только никому! – возвращает мне гаджет и палец к своим губам прикладывает, шикая предупреждающе.

Исчезает мгновенно, будто ее и не было. Я даже поблагодарить не успеваю.

Запускаю браузер, пока Снежаны в палате нет. Не знаю, куда она отлучилась, да и не волнует меня это. Наоборот, посижу в тишине и спокойствии.

Лихорадочно ищу задания, сохраняю в закладках наиболее подходящие. Высокооплачиваемую работу по удаленке я вряд ли найду, поэтому придется брать количеством.

Хотя...

Вчитываюсь в одно из объявлений. Не верю своим глазам. Пробегаю текст еще раз. И еще.

«Требуется дизайнер рекламы в крупную компанию», – гласит запрос. Нет названия фирмы, нет имени руководителя, почти никаких условий не указано. Лишь номер телефона и личная почта, куда примеры работ отсылать. Подозрительно... Но предлагаемая зарплата погружает меня в шок.

– Да ну! Здесь лишний ноль, – бурчу себе под нос. – А если нет? – задумываюсь. – Тогда зачем им я? За такие деньги профессионала наймут, а не студентку!

Заношу палец над крестиком, собираясь закрыть страницу, однако вместо этого выбираю электронную почту. Дальше действую будто в тумане. И через пару минут мое самое свежее портфолио улетает какому-то неизвестному, но очень щедрому работодателю. Или мошеннику?

Ох, Злата, ты балбес!

Но попробовать стоило! Вдруг это мой шанс...

– Ой, если объявление и реально, все равно не возьмут меня, – отмахиваюсь, пытаюсь унять гулко стучащее сердце и восстановить дыхание.

Успокоившись, возвращаюсь к мелким заказам. Взяв несколько онлайн, тут же приступаю к выполнению. Завершаю предыдущий проект, усердно пыхчу над новыми, яростно вожу стилусом по экрану. Не реагирую на скрип двери, пропускаю мимо ушей звук шагов, игнорирую чужое присутствие.

И лишь когда на тумбочку рядом с моей койкой опускается какой-то пакет, я вздрагиваю.

– Что это? – вскидываю голову. И встречаюсь взглядом со Снежаной.

– Гормоны и витамины по твоему списку, – протягивает листок, который медсестра оставила. Я даже не заметила, что Снежана его забрала. – На месяц должно хватить, а дальше,

возможно, новые рекомендации тебе дадут.

– Нет, спасибо, – фыркаю я. – Не надо! Забери.

«Никто ничего не делает для тебя просто так», – эту простую истину я еще с Максимом вызубрила наизусть! И уж точно я хочу чувствовать себя в долгу перед этой сплетницей. Но она не прикасается к пакету. Наоборот, отступает назад.

– Тогда можешь выбросить, потому что я другие принимаю, – бросает Снежана небрежно и устраивается на своей постели.

Некоторое время мы сидим в полной тишине, но я не могу работать. Неловко от мысли, что мне помочь решили, а я взамен нахамила.

– Извини, Снежана, но не нужно было. Я могла сама, – виновато мямлю.

– В любом случае, обратно не вернуть, – хмыкает она. – Мы с мужем долго ребенка не могли завести. Он бесплоден, – срывается вдруг в откровения, и боль, с которой Снежана говорит об этом, кажется осязаемой. – В итоге, сделали ЭКО с донорским материалом, – умолкает на секунду, опять живот обнимает, а я сдерживаю себя. Не повторяю ее жест. Хотя так хочется, до покалывания в ладошках. Но внутри меня дети, которые не будут жить со мной. – Так что я не лгу. У меня действительно особые предписания. И это все, – кивает на пакет, – мне не подойдет.

– Спасибо, я верну деньги, когда мама перешлет, – все-таки выдвигаю свое условие. Не хочу быть обязанной постороннему человеку.

– Допустим, – неопределенно поводит плечами Снежана. – Ты правда решила оставить детей в роддоме? – и устремляет на меня испытывающий взгляд.

От прямолинейности соседки я на мгновение теряюсь. Я привыкла, что меня осуждают за спиной, но впервые обвинение бросают мне в лицо.

– Да, – не вижу смысла скрывать. – Эта была случайная беременность. Она... никому не нужна, – заканчиваю еле слышно, будто малышей боюсь обидеть своими жестокими словами.

– Не бывает в жизни случайностей, – вздыхает Снежана.

– Я не смогу их обеспечить одна. В нормальной семье им будет лучше, – убеждаю скорее себя, чем ее. Но голос надрывается.

Сколько раз я мысленно эту фразу повторяла! И все равно принять ее пока не сумела.

– Думаешь, для них так легко подберут идеальных родителей? – делает мне больно лишь словами.

– Мне говорили, что... – вспоминаю уговоры гинеколога, когда я на аборт пришла.

– Как только ты напишешь отказ от детей, ты лишишься всех прав на них. Не будешь знать, что с ними происходит дальше, – перебивает Снежана. – Допустим, их заберут сра-

зу, и ты их никогда не увидишь, – намеренно делает паузу, чтобы я осмыслила. – А могут отправить в дом малютки, где они будут расти вместе с другими сиротами. При живой матери, – укоризненно подчеркивает. – Ждать, пока кому-нибудь приглянутся. Что если возьмут кого-то одного...

– Двойняшек нельзя разлучать, – отрицательно головой качаю.

– Кого это волнует? Разные случаи бывают, – хмыкает Снежана. – С двойней ситуация только сложнее. Не каждая семья готова принять сразу двоих детей. В принципе усыновление – это очень ответственный шаг. Мой муж, например, был категорически против малыша из детдома, хотя сам не может быть отцом. Он и на ЭКО не сразу согласился... И, знаешь, он не слишком рад моей беременности. Я же чувствую, – силло выдыхает. – Не все могут полюбить чужого ребенка. Двоих – и подавно. Почему ты думаешь, что где-то там, в мифической "достойной семье", о твоих детях будут заботиться лучше, чем это сделала бы ты – родная мать?

– Я приняла решение и уверена в нем, – выплевываю гневно, хотя злюсь в этот момент на саму себя.

Переворачиваюсь на бок, спиной к Снежане. Делаю вид, что погружена в планшет, а сама роняю слезы на экран.

Потому что ни в чем я не уверена.

Глава 8

Месяц спустя

Марк

Устало массирую пальцами переносицу и, не дослушав очередной доклад одного из начальников, прерываю обсуждение жестом – и распускаю совещание. Я и так в курсе всего, что происходит в моем медиахолдинге, а у сотрудников куча заданий, которые им надо выполнять, а не штаны в моем кабинете протирать. Сегодня я не в том настроении, чтобы поддерживать бесполезный официоз.

– Марк? – тихо зовет меня Ира, дождавшись, когда подчиненные разбредутся по рабочим местам.

Плотно дверь прикрывает, откашливается и грациозно направляется ко мне, отчего мгновенно напрягаюсь. В офисе мы не допускаем никаких личных отношений и проявлений чувств, поэтому в этом направлении мой мозг даже не работает. А вот серьезные разговоры зачастую происходят именно здесь. Видимо, деловая обстановка располагает. И судя по поведению Иры, она как раз на такую беседу и настроена сейчас.

Как не вовремя, а! Голова и без нее раскалывается.

– Да, Ирина? – намеренно выдерживаю строгий тон.

– Ты спрашивал у Давида название клуба, в котором у меня девичник был, – бесстрастно выдает, опускаясь в крес-

ло напротив. – Зачем? Ты сам мне тогда сказал, что доверяешь и ничего даже уточнять не собираешься. Пожелал мне погулять хорошо. В итоге, я оказалась в твоей постели, – напоминает мне. – И вот спустя несколько месяцев ты какое-то странное расследование развернул, – сжимает губы недовольно. – Зачем? – повторяет с нотками обвинения.

Такая милая и хрупкая, а одним словом-ударом валит наповал.

Зачем? Да откуда мне знать, зачем! Потому что чувство странное не покидает, будто обманули меня. Но все ниточки упорно ведут к Ире. И даже название черного клуба совпало с тем, которое в чеке от таксиста было указано. Как назло на днях смятый листок за тумбочкой нашел. Дернуло меня в служебную квартиру зайти. Впервые после той ночи. Я и не помню, что мне понадобилось там. Просто поднялся в разгар рабочего дня наверх – и завис в будоражащей кровь обстановке. Залип на воспоминаниях о рыжухе, образ которой в моем сломанном сознании почему-то никак не вяжется с женой.

Ира все это время вообще в квартиру носа не показывала, будто вспоминать о том, что случилось между нами ТАМ, не хотела. Предлагала избавиться от «ненужного» жилья, подчиненным выделить, ведь у нас свой дом теперь. Однако этой настойчивостью только больше подозрений пробудила. Беспочвенных, как показали факты.

Зачем... Нет ответа.

– Сюрприз тебе хотел сделать, – лгу невозмутимо. – Мы давно никуда не ходили вместе.

– И ты решил в какой-то затрёпанный клуб меня отвести, Марк? – возмущенно выдыхает Ира.

Признаться, меня ее выбор тоже поначалу удивил – слишком бюджетно для нашего уровня. Но Давид подтвердил, а еще добавил, что Ира таким образом деньги мои сэкономила. И я даже уважением к ней проникся. Вот только от той бережливой, наивной девчонки в моей жене с каждым днем остается все меньше качеств.

– Может, ты хотел еще и вечер в служебной квартире закончить? – закатывает она глаза.

– Интересное у тебя мнение о клубе, который сама же для девчонки выбрала, – грубо подсекаю ее речь. – И так резко впечатление поменялось о нашей первой ночи, где бы она не состоялась...

Ира ресницы опускает, растерявшись. Но я не свожу с нее внимательного взгляда: быстро же она к богатой жизни привыкла и пафоса набралась. Терпеть не могу подобные выбрыконы. Верните мне девушку, которая когда-то ценила каждую копейку, умела умирять свои «хотелки», а еще стеснялась так искренне. И чувствовала меня лучше...

Словно услышав мои мысли, жена меняется в лице, смягчается и даже легким румянцем покрывается. Подвигается ближе к столу, протягивает свою руку к моей расслабленной – и пальчиками по тыльной стороне ладони проводит.

– Все так странно произошло... – сглатывает, но в глаза мне не смотрит. Цепляется за обручальное кольцо на моем пальце, поглаживает его. – Ты же знаешь, мне неловко вспоминать об этом, – взмахивает ресницами. – Но ты прав. Нам не мешает развеяться вместе. И я приму любой твой сюрприз. Извини, что испортила этот, – вздергивает одно плечико.

– Выберешь сама, куда сходить хочешь, – сдаюсь я, но руку убираю, а сам на спинку кресла откидываюсь. Ни к чему эти нежности на работе. Поэтому резко перевожу тему: – Как дела с рекламой для Мейера?

– Он все проекты вернул на доработку, – тяжело вздыхает Ира.

– Плохо, – нервно потираю подбородок. – Дорабатывайте, – общаюсь с ней как с подчиненной, коей она в данной ситуации и является.

– Мой отдел и так в мыле весь. А этот австриец совершенно ничего не понимает в российских реалиях, вот и отвергает любые идеи! – недовольно бубнит. – Ему не угодить...

– «Этот австриец», – передразниваю ее, – планирует реализовать крупный проект на берегу моря. И именно нас Мейеру рекомендовали, как «лучших рекламщиков страны». Сейчас наша цель – подписать долгосрочный контракт с ним. И все зависит от твоего отдела.

– Мы очень стараемся, Марк. Я Мейером лично занимаюсь, – расстроено тянет Ира. – У нас дефицит кадров, ко

всему прочему. Ты ни одного кандидата не одобрил мне в помощь.

– Да потому что сплошные шаблонщики! – злюсь я. – Ничего нового. Смотришь их примеры – и не видишь разницы. Одинаковые стили и решения. Ерунда!

– Кстати, у меня еще один вариант появился, – спохватывается она. – Ты же хочешь незашоренный свежий взгляд, новые идеи. Так вот... Студент, сын декана, претендент на красный диплом... – перечисляет воодушевленно, а мне скучно становится.

– Ты же знаешь, что мне плевать на регалии. Он может быть хоть сыном премьер-министра, но при этом оставаться бездарем. Работы мне его покажи, – чеканю раздраженно.

– Хорошо, завтра будут, – улыбается Ира. – Я пойду? Дальше «Мейера» мучить...

– Да, конечно, – отмахиваюсь я.

Задумчиво постукиваю пальцами по крышке ноутбука, гипнотизирую его взглядом – и запускаю систему в тот момент, когда слышится хлопок двери. Собираюсь погрузиться в работу, проверить проекты подчиненных, но взгляд цепляется за иконку электронной почты. Я создавал этот подставной ящик больше месяца назад, когда заявку на сайт вакансий подавал. Благо, додумался анонимно это сделать. Ведь откликнулись все кому не лень. Буквально в первые же дни мою почту завалили бездарщиной. И после я не открывал ее. Пора и вовсе снести.

Заношу курсор мыши над кнопкой «Удалить».

– Марк Альбертович, я принес записи с камер видеонаблюдения, как вы просили, – после короткого стука врывается в кабинет начальник службы безопасности. – С сервера все снес! Именно за ту дату, когда...

– Да тише ты, Захар, – от неожиданности вскидываю голову, при этом машинально клацаю мышкой и не вижу, куда. – Иначе моя жена себя вдовой сделает собственными руками, – хохочу, когда безопасник напрягается, восприняв мои слова всерьез. – Шучу, расслабься.

Однако дверь прошу прикрыть. Буквально минуту назад я разгорающуюся ссору едва потушил, а безопасник дровишек поднес. Не хочу Иру обижать – не заслужила она моего тотального недоверия. Благо, в отделе своем скрылась. И не узнает, что я не только название клуба уточнял, но и собираюсь пересмотреть видео той ночи, когда ее полусонную в холдинг привезли. В конце концов, это поможет мне «починить» мозг и прекратить игры разума. Раз и навсегда закрыть вопрос с рыжулей. Не мечтать об иллюзорной другой девушке, когда в моей постели любимая жена.

– Да, давай сюда флешку, – взглянув на вросшего в пол охранника, подзываю его жестом. – Спасибо. И не распространяйся об этом.

Возвращаюсь к ноутбуку. Вставляю флешку в разъем. И устремляю взгляд в экран.

Посередине зависло небольшое окошко. «Удалить?» –

спрашивает система. Какая нерешительная и надоедливая, однако. Отодвинув мышку, тянусь к тачпаду. Отменяю команду, чтобы не мешалась. Хочу быстрее материалы с флешки посмотреть.

– Обижаете, Марк Альбертович, – разводит охранник руками. – Именно я ведь на смене был тогда. И, заметьте, ни одна живая душа не знает до сих пор об инциденте с Ириной Игоревной. Я унесу эту тайну в могилу, – добавляет пафосно.

От его «клятв» каждый раз мороз по коже. Будто я барин, а он крепостной, готовый жизнью ради меня пожертвовать. И имя соответствующее. Нельзя со мной так – у меня фантазия больная. Издержки творческой профессии.

– Тьху ты, Захар, не переигрывай, – отмахиваюсь небрежно. – Ничего такого не произошло. Ты уверен, что видел именно Ирину Игоревну? – все-таки не выдерживаю.

– Конечно! – отзывается незамедлительно. – То есть нет! Совсем никого не видел, – спотыкается о мой грозный взгляд. – А какой ответ вы хотите услышать? – сводит брови.

– Правду, Захар, правду, – вздыхаю я.

Я с ним точно чокнусь. Нет, работу он выполняет отлично, команду свою муштрует, как в армии, – никаких претензий. Но в личном общении ужасен.

– Темно было – на ночь я же только подсветку оставляю в холле. Экономия, – поднимает палец вверх, а я глаза закатываю. – Но вашу жену сложно с кем-то перепутать. Да и

сама Ирина Игоревна потом меня просила молчать, никому не выдавать ее. А я могила, Марк Альбертович, – опять повторяет.

– Да хорош себя закапывать! – нервничаю я. – Свободен, – указываю рукой на выход. И Захар молниеносно исчезает за дверью.

Я же нетерпеливо запускаю видео. Ну, рыжуля, посмотрим на тебя...

Или нет...

Таксист на руках вносит в холл безвольное тело. Иначе и не скажешь. Рыжуля даже не шелохнется. А еще приличную из себя строила. Вспоминаю, какие глупости она лепетала в ту ночь, и опять ничего не сходится...

Поравнявшись с Захаром, таксист что-то говорит ему, плечами пожимает, визитку какую-то одной рукой передает – и ставит рыжулю на ноги, на которых держится она, конечно, слабо. Пытаюсь рассмотреть ее, но мало того, что в холле полумрак, камеры высоко и под неудобным углом, так еще и лицо скрыто огненной копной волос. Которую безопасник приподнимает буквально на доли секунду, за что молниеносно получает хлесткий удар по руке. Ого! Боевая рыжуля. Даже на автопилоте честь свою защищает. Только не от меня...

Взглянув на нее, Захар вытягивается по струнке, как если бы перед ним Ирина появилась. С подчиненными она ведет себя как та еще с... серьезная дама. Судя по всему, охран-

ник ее тут же узнает – и хватается за телефон. Не дождав-
шись ответа, потому что в ту ночь до меня дозвониться было
практически нереально, он направляется к лифтам. Жестом
зовет за собой возмущенного таксиста. Тот, явно выругав-
шись, пытается взять рыжулю за талию, чтобы дотащить до
«пункта назначения» и избавиться от проблемной клиентки,
но ему тоже достается от бестии: каблуком в ботинок.

Сжимаю зубы до скрежета и, кажется, боль того мужика
чувствую. Захар оборачивается, запрещая на рыжулю напа-
дать, хотя таксист на грани. Сам безопасник тоже не рискует
приближаться. Распугала мужиков даже в тумане – очень на
Ирину похоже такое поведение.

Довольно усмехаюсь, победно проведя рукой по подбо-
родку. Меня-то рыжуля не избил. Наоборот, расплавилась
в объятиях. Даже в таком состоянии чувствует, кто ее муж-
чина.

Потому что... это точно Ира. Похожа ведь. Волосы, фигу-
ра... Даже пальто ее, хотя я не разбираюсь в шмотках. Меня
больше интересует, что под ними.

Глупо вообще было сомневаться.

Ира, моя жена. Все нормально...

Но что-то продолжает грызть внутри. Гадко шкрябается,
будто пытаюсь предупредить. Вот бред!

С горем пополам, аккуратно придерживая рыжулю за ло-
коть, мужчинам удается все-таки запихнуть ее в лифт.

На моем этаже камер нет. Я лично запретил их ставить,

потому что раньше много времени проводил в служебной квартире. Это удобно, когда горишь работой и допоздна задерживаешься в холдинге. А лишние глаза, тем более электронные и записывающие, мне не нужны. Мало ли, какие у меня «переговоры» могли наметиться в столь ценное свободное время, которого было в обрез, с «партнерами» женского пола. До знакомства с Ирой, разумеется.

А после... Как-то не подумал видеонаблюдение установить. И правильно сделал. Обезопасил себя и Иру от таких вот... казусов.

Вздыхнув, проматываю ролик еще раз – и форматирую флешку к чертям. Компромат на жену хранить глупо.

Все. Тема закрыта.

Как и планировал, я во всем убедился. Теперь со спокойной душой могу возвращаться к семье.

Вот только мне ни черта не спокойно. Наоборот, еще хуже стало. Будто подсознательно я ожидал увидеть на записи другую женщину. Найти ее и... И что?

Сказать: «Знаешь, мне понравилось. Будешь моей любовницей? Жену-то я точно не брошу. У нас в семье это не принято. Строгие нравы, да. И традиции. Так что ты для души»...

Бред же!

Хотя незнакомка могла и согласиться, если уж провела ночь со мной так легко...

Так, стоп! Куда опять меня понесло. Со мной была Ира

– и я это выяснил. А я был у нее первым. Какие, к чертям собачьим, незнакомки?

Есть только моя жена. Осталось вернуть тот огонек, который пылал в ней тогда. Напоить ее, что ли?

Ругаю себя за идиотские мысли. Но этот бред мешает мне сосредоточиться на работе. Чтобы хоть как-то отвлечься, открываю почту. Ту самую, которую снести не успел.

Ох, зря рука дрогнула – и не позволила завершить начатое. Какой только ерунды мне опять не понаприсылали. Один шутник даже умудрился «части тела» отправить. Я точно на бирже заявку оставлял, а не на сайте знакомств, причем не очень адекватном?

Не интернет, а помойка...

Теперь точно удалю к черту все! Но взгляд цепляется за шапку одного из писем.

«Добрый день, меня зовут Злата. И я...»

Какая вежливая дамочка. В чем подвох?

Злата... Перекатываю это имя на языке.

Мельком пробегаю текст. Замечаю, что она студентка. Дальше перечисляются какие-то конкурсы, тренинги. Скучновато. Поэтому обращаю внимание на адрес почты и цифры после имени. Часто там год рождения указывают. Подсчитываю в уме возраст.

Мда... Малолетка совсем. Даже сын декана, которого Ира предлагала, и тот старше. Какой из нее работник. Одна вон похожая пигалица прогуляла собеседование. К самому гене-

ральному, то есть ко мне, не явилась – это как вообще воспринимать?

Однако портфолио скачиваю. Просто чтобы в очередной раз поржать над бездарщиной.

Позу удобнее выбираю, развалившись в кресле. Хоть настроение себе подниму. Надеюсь, там не «части тела». Ну, или хотя бы не мужские...

Злата... А имя-то красивое. Необычное...

Выбираю случайный файл, жду, пока эскиз откроется на весь экран. И резко подаюсь вперед, уперевшись локтями в стол.

– Ого!

Залипаю на изображении, всматриваюсь в детали – и мне все нравится, что бывает крайне редко. Конечно, и здесь замечаю мелкие погрешности, но они исправимы. Инстинктивно выбрасываю руку, чтобы нащупать планшет и стилус. И довести эскиз до совершенства. Одергиваю себя мысленно, а в голове ехидный женский голосочек тянет что-то вроде: «Марк Альбертович, но нет же. Я намеренно так сделала, ведь...»

Усмехаюсь. Почему-то мне кажется, что Злата будет бороться за каждый штрих. Или мне хочется так думать, ведь я предпочитаю, когда подчиненные отстаивают свою точку зрения, а не стелются передо мной.

– Да-да! То, что нужно, – не выдержав, произношу вслух, дальше листая файлы.

Настороженно останавливаюсь на нескольких. Слишком они мне напоминают пару работ из портфолио той самой «прогульщицы». Но не точь-в-точь. Эти выполнены более точно, дотошно, почти профессионально, будто исполнитель опыта набралась...

Вот я и нашел замену. Даже лучше!

– Малолетка, беру свои слова назад, – довольно хмыкаяю я, возвращаясь к самому письму, чтобы контакты найти. – Хм, частично... – хмурюсь, вчитываясь в текст.

Бестолковая, номер телефона не оставила. Смотрю на дату отправки – и теряю последнюю надежду. Месяц назад... Такой графический дизайнер долго без должности не будет куковать. С руками оторвут.

Блин! Но все же оставляю ей письмо с просьбой связаться. Чем черт не шутит. Вдруг за месяц с бывшим руководителем характерами не сошлись. Или переманить удастся...

Жду ответа, как пацан первого свидания. Страницу обновляю лихорадочно. Настраиваю оповещение на телефон, чтобы не пропустить. Дергаюсь на каждое пиликанье и злюсь, если там очередная ерунда от бездаря.

Чувствую себя как на иголках – и продолжается мучение до глубокой ночи. Когда уже дома, в полной тишине раздастся звук входящего сообщения, а полумрак пререзает свечением дисплея, я резко подскакиваю и, не задумываясь, меняю супружеское ложе с молодой женой на рабочий кабинет с желанным дизайнером.

Проглатываю текст письма, сохраняю номер телефона. Готов позвонить Злате немедленно, но осознаю: в два часа ночи это будет выглядеть неприлично. Поэтому быстро набираю сообщение. Плевать, что не выдерживаю паузу, как полагает важному боссу. Но я слишком хочу именно Злату. В качестве будущего сотрудника, разумеется.

Не могу ее упустить. Поэтому сразу указываю условия и обещаю высокую зарплату. Правда, не спешу рассекречивать свое имя и название фирмы. Мало ли. Вдруг происки конкурентов.

«Дело в том, что я могу работать лишь удаленно. Возможно, я неправильно прочитала вашу заявку...», – режет меня без ножа прямо через дисплей.

«Почему удаленно?» – откликаюсь незамедлительно.

Пауза. Довольно долгая... Надеюсь, Злата там не уснула? Я теперь точно не лягу, пока согласия ее не добьюсь.

«Живу в другом городе. Далеко от столицы» – наконец-то выдает.

Значит, не та пигалица, которая проигнорировала собеседование. А сходства в их работах – чистая случайность. Выдыхаю с облегчением. Прекрасно!

«Посмотрим, получится ли сработаться в таких условиях. Вот ваш первый заказ», – отсылаю ей на почту техническое задание на рекламу для Мейера. Почему-то уверен, что именно молоденькая незнакомка Злата сумеет угодить привередливому австрийцу.

Даю ей время изучить материалы, но сам нервничаю. И едва не смахиваю со стола мышь, когда клацаю на иконку входящего.

«Думаю, я справлюсь, но мне нужны гарантии», – намекает на предоплату.

«Знаете себе цену?» – неосознанно печатаю. И по лбу себя бью. Заигрываю с подчиненной? Нашел время!

«Я знаю цену деньгам...»

Прыскаю смехом. Деньги не проблема. В подтверждение этому перевожу адекватную сумму на ее счет по номеру телефона.

«Это аванс. Остальное получите, когда работа будет выполнена», – вдогонку посылаю.

Жду расшаркиваний и благодарности. Но эта мучительница молчит!

Минуту. Две. Пять.

Мало ей денег?

Ну, охамела совсем! Не выдерживаю и...

Отправляю еще. Половину предыдущей суммы.

Слабак, да, но мне нужна Злата.

«Нет, что вы. Хватит, пожалуйста. Прекратите переводить мне деньги. За мою работу этого будет достаточно», – прилетает мне. Погружаюсь в состояние шока: всякое бывало на моем веку, но чтобы от больших денег отказывались... Такое впервые. Честный дизайнер мне попался, чересчур даже.

И следом: «Я вижу здесь три варианта. Сделаю все, а за-

казчик пусть выберет. Думаю, мне вполне хватит недели. Какой крайний срок?»

Три варианта? Всего за неделю? Нет, это реально, конечно, но... сложно. Тем более, в одиночку. Даже интересно, как Злата справится. Настолько, что...

«РОВНО через неделю жду ваши эскизы», – отправляю строгое сообщение. На самом деле, я готов простить ей просрочку. Но это не мешает мне строить из себя сурового босса. Пусть она не расслабляется.

Ликую, когда получаю согласие.

А через пять дней, раньше оговоренного срока, приходят готовые эскизы. Еще через сутки – Мейер одобряет все три. Подписывает со мной контракт, который невозможен без Златы. И в моем медиахолдинге пусть неофициально, а на условиях фрилансерства – становится на одну «светлую голову» больше.

Кстати, интересно, какого цвета на самом деле у Златы волосы? Впрочем, неважно...

Глава 9

Время спустя

Злата

Неуклюже провожу тыльной стороной ладони по лицу, убирая прилипшие к холодным щекам, влажные после дождя темно-рыжие пряди, и переступаю порог больницы. Оглядываюсь с тяжелым вздохом: каждую деталь в приемной помню, всех дежурных в лицо знаю. Бываю здесь чаще, чем дома. Впрочем, обстановка в городском роддоме и в моем общежитии примерно одинаковая. Вот только посторонних глаз и злых языков здесь больше. Впрочем, мне не привывать.

Придерживаю рукой внушительных размеров живот, внутри которого разгорается утренняя революция. В это время рыжики всегда «танцевать» во мне начинают и требуют чего-нибудь сладенького... или кисленького – сами между собой договориться не могут! Веду ладонью от одного бока к другому, чувствую толчки и перевороты. Улыбаюсь, но тут же губы сжимаю в прямую линию.

«Не привязывайся. Они не твои», – ехидно напоминает внутренний голос. И я... соглашаюсь.

Ускоряю шаг, направляясь к стойке приемной. Опираюсь локтями о ее край, потому что долго стоять неудобно и больно – малыши вниз начинают стучать.

– Пылаева, – представляюсь машинально, хотя акушерка и так меня узнает. – Срок тридцать семь недель. Я на снятие пессария, – сообщаю, заранее предугадывая вопросы.

Тридцать семь... Еще три недели – и я вернусь в привычную жизнь. Перестану лгать маме, избегать встреч со сводной сестрой Асей, которой квартиру сняли в одном из недо-рогих районов города, не буду сбрасывать вызовы отчима, что вдруг узрел во мне няньку для своей дочери... Впрочем, с навязанной родственницей все равно не хочу контакт устанавливать. Даже после того, как...

Все сложнее озвучивать ЭТО...

– Повезло тебе, Пылаева, – вдруг заявляет девушка в белоснежном халате. – Сегодня Береснева на дежурстве, – подмигивает многозначительно.

Та самая врач-гинеколог, которая когда-то отговорила меня от аборта. Одна из немногих, кто вошел в мое положение и воспринимает меня адекватно. Более того, она хорошо ко мне относится. И я действительно рада, что попала в ее смену.

Но все равно боюсь процедуры до дрожи в коленях, стоит лишь вспомнить грузного доктора, которая мне ставила пессарий. Грубоватая, неосторожная, она ни капли меня не жалела. «А ну, быстро расслабься. Мешаешь мне. С мужчиной своим так же зажималась?», – до сих пор краснею от ее хамских слов, которые всплывают в сознании.

Тоже мне, сравнила! С мужчиной я... плавилаь, раство-

рялась в ощущениях, хотя нельзя было.

Отгоняю от себя смутный образ незнакомца, который по-прежнему вторгается в мои сны и фантазии. Удивительно, что я не смогла его забыть. Между нами – всего одна случайная ночь. Наверное, это беременность и гормоны на меня так влияют.

Скоро все закончится...

Осталось три недели...

В груди противно щемит. Не замечаю, в какой момент мои щеки становятся мокрыми не только от капель дождя, но и от слез. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей я устраиваюсь на неудобном стуле у стены и, пока акушерка заполняет кучу стандартных документов, достаю и запускаю планшет.

Мне нужно успеть до родов закончить и сдать крупный заказ, поэтому каждую свободную минуту я трачу на его исполнение. Мой строгий работодатель, как обычно, ждет его «еще вчера».

Поначалу мне было нелегко, но со временем я привыкла к этой гонке – и благодарна ему за все. Он... хороший. Надо бы имя хотя бы узнать или название компании, на которую я тружусь. Но я стесняюсь: неудобно такое по почте писать, а иначе мы не общаемся. Да и не все ли равно? Официально я не трудоустроена. Да и куда мне без диплома... Главное, оплата достойная и своевременная.

Правда, абсолютно все деньги ушли на малышей. Но я не жалею об этом! Пусть я – непутевая мама, но хотя бы поза-

ботилась о них, пока они в утробе. А дальше...

Все по старому плану... Вернусь в институт, который я все-таки забросила из-за постоянных госпитализаций. Пришлось перевести на заочное отделение. Временно!

Я получу образование, когда вновь стану независимой. А рыжики... Всхлипываю... Сама не понимаю, почему зову их именно так. Видимо, хочу себя в них видеть... Но зачем, если они будут жить в другой семье? И с такой необычной внешностью им только сложнее будет найти себе подходящих родителей.

Задумываюсь на секунду, но вздрагиваю, когда крупные соленые капли падают на планшет. Опомившись, хочу смахнуть их и продолжить работу, но гаджет вдруг вылетает из рук, шлепаясь на пол. Огромный живот мешает наклониться, и я едва не хнычу от собственной беспомощности. Вот и куда мне двоих младенцев? Я несчастный планшет уберечь не смогла.

Пока жалею себя, кто-то вдруг подходит ближе, поднимает главное «орудие» моего труда – и мне протягивает. С благодарностью смотрю на женщину-врача, в которой узнаю Бересневу.

– Привет, Злата, – улыбается искренне, по-доброму. – Не передумала? Идем! – и разворачивается, жестом приказывая следовать за ней.

– Ой, нет, – спохватываюсь я и встаю со стула, кряхтя. – Я не... Ой! – морщусь, получив хук в желудок. И теряюсь,

поймав на себе заинтересованный взгляд Бересневой.

– Что «ты не...»? – уточняет она.

– Не готова я. Мне переодеться нужно, вещи в палате оставить. Вот, – указываю на пакет. – Можно? Я постараюсь очень быстро...

Стараюсь быть вежливой, но врач почему-то хмурится.

– Нет, я не о процедуре. Ее чуть позже проведем, не волнуйся, – говорит внезапно охладевшим тоном. И отворачивается. – Я же обещала тебе помочь найти семью для твоих двойняшек, – напоминает тише. – Так вот. Потенциальные родители как раз сейчас у меня в кабинете. И раз уж ты тоже здесь, то они хотели бы с тобой пообщаться, – вновь испытывающий взгляд стреляет в меня, сражая наповал. – Ты же не против?

Внутри что-то рвется, ломается и разлетается на мельчайшие частицы. Рыжики внутри затихают будто в ожидании приговора, который я вынесла им много месяцев назад. Внезапно пересохшие губы с трудом размыкаются и выдают жестокое: «Не против». После этого врач ускоряет шаг настолько, что я едва успеваю за ней. Ощущение, что Береснева злится, хотя с чего бы? Ей плевать на меня и на рыжиков.

Плевать, как всем в этом мире.

Мы одни – и сами должны решать, как выжить дальше.

Я сделала выбор за нас троих. Пусть таким странным способом, но обеспечу детям нормальную жизнь. В полноценной семье, а не в тесной комнате общежития с матерью-оди-

ночкой, которая концы с концами свести не может. У них будет отец, а может, даже бабушки с дедушками. Меня же отчим с грязью смешает вместе с малышами, если узнает о беременности и родах, а маме запретит даже приближаться к нам. Еще и перед всеми знакомыми унизит, в красках расписав, чем я на самом деле в столице занималась...

Об образовании можно будет забыть навсегда. Подработка временная. А пособия хватит только на подгузники.

Без меня рыжикам будет лучше.

Вот только руки отказываются подчиниться – так и обнимают живот, бережно, с любовью, по-матерински. На протяжении всего пути, что я иду к кабинету. Короткий участок коридора кажется мне дорогой на эшафот.

– Благополучная семья педагогов, – зачем-то сообщает мне доктор, хотя утверждала, что я ничего не буду знать об усыновителях. – Так уж вышло, что оба бесплодны, так что это их единственный шанс обзавестись детьми, – говорит, не оборачиваясь, будто ей смотреть на меня противно.

– Ясно, – сиплю выдыхаю, не вдумываясь в смысл. – Я не смогу обеспечить малышей, не смогу, – не замечаю, как произношу это вслух, а Береснева замедляется. – Они всегда будут чувствовать себя хуже других. Будут комплексовать, что плохо одеты, что у них нет всяких гаджетов, которые есть у сверстников. В конце концов, у них даже отца нет. А я знаю, каково это – расти без папы и без денег, – всхлипываю, вспоминая свое детство.

Именно поэтому я рванула в столицу. Хотела выучиться, получить престижную работу, а потом обзавестись семьей. Сделать все, чтобы мои дети росли в достатке.

А в итоге... Залетела и осталась одна... Повторила мамину судьбу.

– Матери-одиночке, а тем более с двойней полагается ряд льгот, – неожиданно информирует Береснева. – Могу помочь с оформлением. Узнать, что и как, ведь ты будешь постоянно к детям привязана, – говорит так, будто я оставлю двойняшек себе. – У меня дочь год назад тройняшек родила, а по всем инстанциям я бегала, так что знаю, что к чему. И чего можно от государства добиться, если хорошенько его потрепсти, – многозначительно бровь изгибает.

Острая боль пронзает сердце насквозь. Вот если бы моя мама была рядом сейчас. На месте Бересневой... Так же подсказала бы, что делать, предложила бы свою поддержку, завила бы, что все будет хорошо. Но... После того, как я отказалась помочь Асе, мы вообще не общаемся...

– У вас дочь тоже... – сглатываю, не в силах подобрать слова. Краснею смущенно.

– Никто не застрахован от любви и предательства, милая. Не стыдись этого. Пусть ЕМУ будет стыдно, – ласково проговаривает Береснева, а я головой машу отрицательно. В моем случае сама виновата. Незнакомец и не в курсе даже... – Но у моей дочери некоторые проблемы. В общем, она осознанно решила растить детей без мужчины. Для себя. У нее

было ЭКО.

Задумываюсь над ее словами: как можно остаться одинокой осознанно? Но ответа найти не могу. А сама не знаю, как реагировать на предложение Бересневой помочь. Мне не хватает времени поразмыслить. Вместо этого дверь передо мной распахивается, а врач подталкивает меня в кабинет, будто в клетку с тигром бросает, предварительно усыпив мою бдительность.

– Добрый день, – скрипучий, властный женский голос режет мой слух раньше, чем я переступаю порог.

Мне стоит невероятных усилий заставить себя поднять взгляд на потенциальную мать моих детей. Одно дело все эти месяцы убеждать себя, что поступаешь правильно, но при этом продолжать вынашивать малышей, чувствовать их присутствие, разговаривать с ними тайком, покупать «вкусняшки», что они «требуют»... А совершенно другое – встретиться лицом к лицу с их будущими родителями.

Особенно с той, кого МОИ рыжики будут называть «мамой»...

Делаю шаг назад. И еще. Перестаю контролировать свое тело, которое рвется позорно сбежать отсюда. А душа... давно не на месте.

Утыкаюсь спиной в плечо Бересневой, которая успевает закрыть за нами дверь. Зыркаю на врача, как на предателя, но она никак не реагирует. Будто я вдруг превратилась в пустое место.

Встречаюсь лицом к лицу с претенденткой на моих детей. Прикрываю живот и едва сдерживаю эмоции, когда она изучает его пристально, с прищуром. Так, будто внутрь заглянуть пытается и прикинуть, подойдут ли ей ЭТИ малыши. Внутри как назло разливается неприятный дискомфорт, все сводит в тонусе, напрягается. Опять тренировочные схватки?

– Меня зовут Инна Григорьевна, – представляется женщина, пытаюсь быть любезной. – А это Аркадий Дмитриевич, – указывает на своего мужа, настолько тихого и щуплого, что я не сразу его замечаю. Он поднимается со стула, приветствует меня кивком головы – и я обращаю внимание, что у него рыжие волосы. Значит, к внешности малышей претензий не будет. – Мы кандидаты наук, доценты. А вы учитесь? Специальность? – переходит на допрос будущая «мама».

Не могу побороть жар, который охватывает тело. Дышу часто и мелко, но не помогает. Капелька пота стекает по виску. Общее состояние усугубляется тем, что я невероятно нервничаю сейчас. Будто малышей своих продаю! Только без денег...

– Это важно? – дерзко выплевываю. Наверное, в этот момент я похожа на непутевую хамку, которой не то, что детей, – котенка доверить нельзя. Именно так меня и воспринимают «покупатели».

– Нет, воспитаем, – отмахивается женщина небрежно, сбрасывая маску доброжелательной дамы. – Мы с Аркади-

ем Дмитриевичем не можем иметь детей, поэтому вопросом усыновления озадачились еще год назад. Рассматривали, как это лучше сделать. И решили остановиться на отказнике из роддома. Алевтина Павловна рекомендовала вас как здоровую, адекватную... кхм... производительницу, – исподлобья поглядываю на Бересневу, но, кажется, она сама в шоке от формулировки. Морщусь от болезненной вспышки в животе. – Мы готовы принять ваших двойняшек в семью. И взрастить, как своих собственных. Жилье и финансы позволяют. Образование дадим лучшее. Воспитание на высшем уровне, – зачем-то подчеркивает.

Она говорит так пафосно, важно, неестественно, что я хихикаю нервно, и три пары удивленных глаз, в том числе и врача, устремляются на меня.

– А я не готова, – выпаливаю резко, потеряв над собой контроль. – Вы НАМ не нравитесь.

И вылетаю из кабинета, громко хлопнув дверью. В коридоре даю волю слезам, позволяя себе быть слабой, жалкой и избитой этой несправедливой жизнью. Мчусь в направлении палат, толком не разбирая дороги. Пока не сталкиваюсь с кем-то.

– Златка! Ну, не можем мы друг без друга, – звенит знакомый голос. – Опять на сохранение?

Поднимаю зареванный взгляд на Снежану. Она обнимает меня неуклюже, потому что наши необъятные животы мешают.

– Пессарий, – всхлипываю.

– А у меня угроза преждевременных, – с волнением признается, а сама меня по голове успокаивающе гладит. – Ты чего переживаешь? Боишься? Нормально все будет.

– Я не из-за этого, – отстраняюсь.

Позади слышатся голоса и шаги. Снежана выглядывает через мое плечо, здоровается с кем-то, а потом мне тихонько бросает:

– Кто это?

Нехотя оглядываюсь. Слежу, как Береснева ведет к выходу недовольную Инну Григорьевну и равнодушного Аркадия Дмитриевича. Какие же они скучные оба. Совершенно по темпераменту рыжикам не подойдут! Я ведь чувствую!

– Родители для рыжиков, – выдыхаю рвано, но ничего объяснить не могу: ком в горле мешает, а очередной спазм в животе отвлекает все мое внимание. Что происходит? И малыши непривычно тихо сидят, будто приготовились к чему-то...

– Я надеялась, что ты передумала, – шепчет Снежана с грустью, но без тени осуждения. – Или на тебя давят? – воинственно сводит брови. – Договорились, кому деток сплавят? Ну, я им устрою!

Отпускает меня так резко, что я покачиваюсь, равновесие теряя. Обессиленно опираюсь спиной о холодную стену. Но через секунду – чуть ли не сгибаюсь пополам от сильной боли.

– О-ой, – хнычу жалобно и крепко живот держу, будто так смогу помочь малышам.

Колготы быстро намокают, и мне неудобно, что Снежана замечает это. Почему у нее взгляд такой напуганный?

– Началось, что ли? – Снежана под локоть меня берет, не позволяя упасть. Не могу ответить из-за непонятных ощущений и дикого страха. Невольно вскрикиваю при следующем приступе. – Алевтина Павловна, – вопит подруга в коридор, а Береснева тут же бросает «доцентов» и возвращается к нам. – Мы тут, кажется, рожаем.

– Как это «рожаем»? Рано! – икаю я. – О-о-ой...

Береснева подает мне локоть – и я принимаю ее помощь, потому что подсознательно доверяю. И рядом с ней даже схватки отступают. Проследив за мной, врач бросает взгляд на настенные часы в отделении, засекая время. Вид у нее невозмутимый и серьезный, ведь Алевтина Павловна четко знает, что делает. В очередной раз благодарю судьбу, что сегодня именно ее смена.

– Возвращайтесь в палату, – ровным тоном говорит Снежане. Но она не сразу слушается, потому что волнуется обо мне безумно. Провожает долгим взглядом, пока меня ведут в приемный покой. И только скрывшись за поворотом, я перестаю чувствовать ее присутствие.

– Ой, опять, – вскрикиваю, за живот хватаюсь.

И вновь Береснева смотрит на циферблат, хмыкает многозначительно, но не говорит ничего мне.

– Я же не рожаю еще? Рано ведь? – с надеждой уточняю, а сама корчусь от спазма.

– Почему рано? Хороший срок для появления двойни на свет, – добивает меня врач. Мне и так страшно, а она масла в огонь подливает. – За мной, – на ходу зовет акушерку, не оставляя мне ни единого шанса на отступление.

– У меня же еще пессарий... – жалобно хнычу. – Вещи там, сумка, – взмахиваю рукой в неопределенном направлении, но тут же ладонь на живот возвращаю. Тянет, как магнитом. К моим рыжикам.

– Сейчас посмотрим, не беспокойся, – бубнит себе под нос врач. – Как малыши расположены? – уточняет у акушерки, а меня на кушетку усаживает полубоком.

– Последнее УЗИ показало тазовое предлежание, – заглянув в мою обменку, сообщает та.

– Хм, кесарить в таком случае придется, – вздыхает Береснева. – Впрочем. Давай на осмотр, – кивает на кресло.

С трудом забираюсь в него, мысленно ругая всех и себя заодно. А когда очередной приступ меня скручивает, то и отцу детей достается моего гнева. Интересно, где незнакомец сейчас? С женой, наверное. И все у него прекрасно. В отличие от меня...

– Какие же умнички малыши, – послушав и ощупав живот, по-доброму произносит Береснева. Какой-то аппарат прикладывает, но я зажмуриваюсь. И только каждое слово ее ловлю, потому что это касается моих рыжиков. – Развер-

нулись и легли правильно. Решили побереечь мамочку, чтобы мы ее не резали, – ощущение, будто с детьми разговаривает, а не со мной. – Отлично.

Тихо перебрасывается парой фраз с акушеркой, проводит еще какие-то манипуляции. Но все так бережно, аккуратно, что я чувствую себя если не комфортно, потому что в таком положении это невозможно, то хотя бы нормально и не гадко. Выдыхаю, пользуясь небольшой передышкой между схватками.

– Естественные роды все-таки, – удовлетворенно подытоживает Береснева. – Судя по раскрытию, стремительные, – чеканит неожиданно строго. – Готовьте все срочно. Переводим в родильный бокс. Сейчас же, – приказывает акушерке.

Испугаться не успеваю, потому что дальше все происходит молниеносно и будто в сумрачной дымке. От боли, застилающей разум, я практически не ориентируюсь во времени и пространстве.

Позволяю медикам поступать со мной, как с куклой тряпичной. Послушно выполняю их приказы, а голос Бересневой для меня и вовсе служит маяком, словно я – корабль, терпящий крушение.

Схватки становятся чаще, разрывают меня изнутри. Заставляют кричать и плакать, едва не потерять сознание. Собираю жалкие ошметки сил, чтобы сосредоточиться на рекомендациях. Дышу так, как диктует акушерка. Напрягаюсь и расслабляюсь по ее указке.

А еще... молюсь... Чтобы все с рыжиками было хорошо. И мысленно прошу у них прощения за то, что отдать их собиралась чужим людям.

– Слушай нас, не отвлекайся, – непривычно грозно возвращает меня в болезненную реальность Алевтина Павловна. – Давай!

Приказ тужиться тонет в моем очередном диком вопле. Я стараюсь. Очень. Превозмогая адскую боль, делаю все правильно!

И в качестве награды слышу тонкий детский плач. Но расслабляться рано. Еще минут десять мучений, которые кажутся мне вечностью, – и раздастся еще один голосок.

– Вот и умничка, – хвалит меня Береснева. – Шустрая какая оказалась. Хорошо, что в больнице была. Из дома не довели бы – в дороге бы родила, – смеется и лба моего касается, смахивая испарину.

Сделав лихорадочный вдох, закашливаюсь и обессиленно по сторонам озираюсь. Жду, когда мне рыжиков покажут.

– Отказники, – грубо, пренебрежительно звучит откуда-то сбоку, и я вздрагиваю. – Взвешиваем, одеваем и в кувезы.

Устремляю полный паники взгляд на Бересневу, которая тоже слышит каждое слово. Забыв о болях, о слабости, о полуобморочном состоянии после родов, я набираю полные легкие воздуха и выпаливаю грозно:

– Отдайте. Моих. Детей! Немедленно!

Ожидаю, что Алевтина Павловна в ответ наорет на меня,

разозлится, но она... улыбается.

– Вот и правильно, – кивает одобрительно, а потом жестом акушерку подзывает.

Нахмурившись, кручу головой, пытаюсь распознать, что происходит вокруг. Зрение немного плывет от стресса и слез.

Но вдруг... Что-то тепленькое ложится мне на грудь, попискивает. И я замираю, боясь пошевелиться. Рядышком устраивается еще один сверток.

Опускаю взгляд и издаю надрывный стон, когда вижу на себе двух младенцев. Они такие крохотные, что теряются в пеленках. Глазки жмурят, мяукают возмущенно, но стоит им уткнуться носиками и губками в меня, как тут же умолкают. Только сопят смешно и мило.

– Рыжики, – приподняв голову, роняю слезы на их сморщенные щечки, касаюсь губами лобиков, обращаю внимание на отдающий желтизной пушок. Целую детей по очереди, стараясь никого из них не обделить вниманием и... любовью.

Да! Я люблю их. С самого первого дня.

– Анечка и Артем, – шепчу имена, которые давно им придумала. Но запрещала себе произносить вслух. Носила в сердце. И не зря.

Никому не отдам!

– Злата, а теперь передай их нам, – будто сквозь толщу воды, пробивается просьба Бересневой. – Все равно нужно их в

кувезы поместить, понаблюдать. И тебя в норму привести...

– Нет! – прижимаю свертки крепче к груди. – Не отдам! Мои! – фыркаю зло, готова кусаться и царапаться, как кошка за своих котят.

– Твои, хорошая моя, твои, – уговаривает по-матерински. – Пока ты собственноручно не подпишешь отказ, никто не посмеет даже покушаться на них.

– Точно? – свожу брови и внимательно смотрю на врача. – Поклянитесь, что не заберете их и не продадите тем "доцентам", – рявкаю.

– Внуками клянусь, – незамедлительно отзывается, и я ей верю. – Давай сюда, – позволяю взять у меня двойняшек. Только чмокаю их напоследок. – Вот так. Умница.

– Они красивые, – провожаю взглядом свертки.

Рыжики вдали от меня пищать начинают, и я вместе с ними срываюсь в плач.

– Конечно, красивые, – разговаривает со мной доктор, как с ребенком. – Ну все. Все позади, – по влажным, слипшимся волосам гладит. – Теперь ты – мамочка. Поздравляю.

Ощущение, что с души срывается камень, ухает вниз. И впервые за девять месяцев мне становится так легко. Будто я наконец-то нашла свой путь, единственный и правильный. Хотя я наоборот должна переживать, как справлюсь одна с двумя детьми. Но сейчас мне плевать на трудности. Я будто в эйфории.

Я – мамочка двух очаровательных рыжиков...

Прикрываю глаза и беззвучно реву. От счастья.
Мамочка...

Глава 10

Марк

Подскакиваю на кровати в холодном поту, всматриваюсь в ночной полумрак, дышу судорожно, как сердечник, пробежавший марафон. А все потому, что в ушах до сих пор звенит детский плач. Какого черта?

Хотя ясно, какого... Кошусь на вторую половину постели, различаю в темноте идеальную фигурку Иры. Жена мирно спит, будто это не нам врач приговор вынес на днях. Будто ее наша проблема не касается. Тем временем я извожу себя, глаз сомкнуть не могу дольше, чем на пару минут.

Так еще и галлюцинации добавились. Нервно встряхиваю головой, выбрасывая отголоски чужого тонкого писка, которые упорно в мозг пробиваются. С ума схожу...

Встаю, чтобы спальню покинуть. Давит здесь все, раздражает.

Казалось бы, какой процент вероятности, что мы с супругой не подходим друг другу? По статистике, ничтожно мал. В нашем случае – почти все сто.

«Бред», – выдыхаю обреченно и прячусь в кабинете.

Открываю ноутбук, едва не оторвав крышку к чертям, яростно бью по кнопкам. И поисковик мне сразу предлагает роковую фразу. Диагноз, который я искал, наверное, раз сто за минувшие сутки. Как мазохист.

«Иммунологическая несовместимость», – вылетает целый список статей по теме.

В моей жизни все было распланировано. Карьера, свадьба, семья, дети. Чуть ли не по годам расписано, с условиями и требованиями. Возможно, это слишком самонадеянно и цинично, но такой я человек – привык все контролировать. И вот пришло время воплощать в реальность главный пункт и обзаводиться наследниками как моей фамилии, так и развитого бизнеса, но... Хочешь рассмешить бога, расскажи ему о своих планах.

– Марк, все переживаешь по поводу слов врача? – в полной тишине вдруг раздается голос Иры. Мне начинает казаться, что она следит за мной. Будто боится из виду упустить, потерять. – Ерунда все это, перестань, – наклонившись, тянется к ноутбуку и опускает крышку.

– Ир, ты должна понимать, насколько все серьезно, – прокручиваюсь в кресле, разворачиваясь к ней лицом. – Если терапия не поможет, у нас с тобой никогда не будет общих детей...

– И что с того? – фыркает невозмутимо и садится на край стола, соблазнительно закидывая ногу на ногу. Красиво, но неуместно. Все-таки разговор серьезный... – Разводиться теперь? Ты сам говорил, что в твоей семье это не принято, – бросает как главный аргумент. – Как же традиции? И родители твои меня приняли. И...

Каждое следующее слово Ира произносит все тише, пока

не переходит на сиплый шепот. Растерянно смотрит на меня, пытаюсь считать реакцию.

– Значит, пришло время менять традиции, – вижу, что убиваю ее своей жестокой фразой, но я прав, черт возьми. – Зачем портить друг другу жизнь? Мучить друг друга, когда каждый из нас по отдельности может иметь полноценную семью с кем-то другим...

– Ты так легко готов от меня отказаться? – едва не плачет Ира, но я не верю ее слезам. Слишком часто она их пускает. По любому поводу.

Невольно задумываюсь над ее вопросом. А ведь и правда готов. Наверное, в этот момент я должен чувствовать себя последним гадом. Но у меня свое представление о семье. Просто красивой рыжей куколки рядом мне недостаточно.

– Ради тебя же, – пожимаю плечами. – Ни одна нормальная женщина сознательно не станет чайлдфри. Каждая рано или поздно захочет ребенка.

– Значит, я ненормальная. Потому что люблю тебя – и готова остаться с тобой при любом раскладе, – подается вперед, чтобы коснуться меня, но я демонстративно на спинку кресла откидываюсь.

– Мужчина тоже... – чеканю строго, четко обозначив свою позицию.

Замечаю искорки неподдельного страха в глазах Иры. Может, и правда любит? Мне не понять – высокие чувства мне чужды. Физическое влечение, привязанность, расчет и об-

щие планы на будущее – это я понимаю. Но любовь – субстанция эфемерная. Какой смысл думать о ней, если у нас с Ирой вполне реальные, ощутимые проблемы.

– Но мы же попробуем пройти лечение? – сглатывает Ира, идя на попятную.

– А ты хочешь этого? – прищуриваюсь, пытаюсь распознать ее реальное отношение.

– Конечно. И деток хочу, – кивает лихорадочно, хотя после приема врача она говорила диаметрально противоположные вещи.

Как быстро мнение поменяла, лишь мне угодить. Смотрю на нее с жалостью и легким пренебрежением. Казалось бы, я должен радоваться, что у меня такая податливая, послушная жена. С первого дня Ира окружает меня заботой и вниманием, выполняет каждое желание, старается быть идеальной. Гармонично дополняет меня в обществе. Ублажает дома. Никаких ссор, стычек, головных болей, в конце концов. И это... невероятно бесит.

В наших отношениях нет огня. Ничего нет. А теперь еще и детей не предвидится.

Чувствую, что еще одно слово – и это станет последней каплей в моей чаше терпения. Жестом указываю Ире на выход. Просканировав меня, она мысленно оценивает риски – и молча уходит. Опять подчиняется мне. Без вспышки гнева, без обид, без эмоций. Как наложница в гареме султана. Позвал – пришла, выгнал – исчезла. При том что на самом

деле у нее весьма сложный характер – я не раз наблюдал, как она подчиненных гоняет. А мне слова поперек никогда не вставит.

Черт. Что если неспроста у нас с Ирой эта редкая дрянь – иммунологическая несовместимость. Вдруг знак? Хотя я не верю в подобную чушь.

Чтобы отвлечься от деструктивных мыслей, возвращаюсь к ноутбуку и погружаюсь в работу. Все равно уснуть до утра не смогу.

Прежде всего, проверяю почту. От Златы – ничего. Она и так просрочила задание, внезапно пропала больше чем на две недели. В то время, как мне следовало бы пригрозить ей лишением зарплаты, я... переживаю. Девчонка всегда слишком ответственно подходила к работе, чтобы вот так исчезнуть в один день. Точно случилось что-то...

«Доброй ночи, Злата. Клиент устал ждать эскиз», – намеренно выбираю грубую формулировку. Чтобы ответила быстрее. Нервничать меня заставляет...

В последней нашей переписке мы обсуждали один из заказов. Я требовал переделать, отправил ей перечень правок, а она... Заявила, что посыл поняла, но эскиз доработает по-своему. Сошлись на том, что Злата пришлет мне два варианта: с моими предложениями и свой собственный.

Хоть я и выдержал образ непоколебимого, сурового босса, но мне чертовски интересен результат. Даже азарт какой-то появился. А от Златы как назло ни слуху ни духу.

Впервые за все время я хватаюсь за телефон. На часах три часа ночи, а я нагло набираю Злату. Мы вживую ни разу не общались – только сообщениями обменивались. Я даже не слышал ее голос, а она не знает, кто я и какую компанию возглавляю. Удобное сотрудничество. Было до настоящего момента...

Слышу длинные гудки в трубке. Ответа нет. Но я не намерен отступать, пусть и глубокой ночью. Плевать на правила приличия.

Потому что Злата достала игнорировать! Вот прямо сейчас уволю ее к черту. Но сначала... мне нужно убедиться, что она в порядке...

Глава 11

Злата

В ворохе пеленок, укутанные в простенькие пледы вместо шикарных конвертов, на скрипучей полуторной кровати в небольшой комнатке старого общежития – лежат они. Мои рыжики, совсем еще крохотные, розоватые, с шелушащимися личиками. Спят, засасывая нижнюю губу и причмокивая усердно. Время от времени морщат носики-кнопочки и слегка поворачивают головки, будто меня ищут.

Тем временем я застываю над ними, обхватив себя руками, и невидящим, уставшим, полным слез, будто песка насыпали, взглядом изучаю их.

– Неужели мои, – выдыхаю себе под нос.

– Ну, а чьи же, – смеется позади Береснева, а я чуть на месте не подпрыгиваю, совершенно забыв о ее присутствии.

Я вообще все эти две недели в больнице чувствовала себя как в тумане. Мои мысли были заняты малышами. Постоянные взвешивания, замер температуры, необходимость задержаться в детском отделении, потому что двойняшки были слишком слабы. И если бы не Алевтина Павловна, я точно сорвалась бы в депрессию.

Долгожданная выписка не принесла облегчения. Наоборот, я еще более растеряна и напугана. Если в больнице за мною и детьми присматривали врачи, то теперь мы остались

совершенно одни. На меня вновь накатывает паника и страх не справиться.

– Так, в этом пакете вещи от моих внуков, – вырывает меня из какой-то протрации Береснева. – У нас две девочки и мальчик, так что вся одежда вам подойдет. Знаешь, я набирала кучу всего, бездумно, а малыши так быстро росли, что толком и не успели все носить, – с теплом и нежностью отзывается о тройняшках. Повезло ее дочери.

Я благодарна Алевтине Павловне за помощь: она и в палате меня навещала, и с малышами помогала, и выписку организовала, даже такси вызвала для нас, а денег не взяла. Но в то же время я чувствую боль и горечь. Вот если бы на ее месте рядом была бы сейчас моя мама...

– Маме не пыталась позвонить? – тихо интересуется она, уловив мое настроение.

– Не отвечает, – пожимаю плечами. – Мы поссорились. Из-за сводной сестры, – глотаю слезы, вспоминая наш последний разговор, как раз незадолго до родов. – Да и не хочу я, наверное, чтобы мама знала. Или... – всхлипываю. – Не понимаю, я запуталась, – аккуратно сажусь на край постели.

С дикой усталостью, но в то же время безграничной любовью смотрю на рыжиков, протягиваю руку, касаюсь пледов, поправляю края.

– Подумай, – чеканит Береснева и тут же тему переводит: – Пакет документов твоих я взяла, через знакомых оформлю, скажу, когда и куда тебе подъехать, чтобы подпись

поставить. Как раз и с детьми погуляешь, – берет с тумбочки папку, а я не вникаю даже, лишь покорно соглашаюсь. – Завтра коляску тебе нашу передам, – хмыкает она.

– Вы и так слишком много сделали для нас, спасибо, – шепчу благодарно. – Дальше мы как-нибудь сами.

Слезы бессилия срываются с ресниц, окропляют щеки и тонкими ручейками стекают к подбородку.

– Старайся меньше нервничать, вовремя есть и много пить, – грозит мне пальцем Алевтина Павловна, и ее строгость приводит меня в чувства. – Про грудное вскармливание все запомнила? – киваю лихорадочно. – Полезно, удобно и... экономно. Что в вашей ситуации немаловажно. Так что старайся сохранить молоко, – наставляет меня.

– Да, конечно, – шмыгаю носом и неуклюже вытираю мокрое лицо.

– Злата? – зовет меня настороженно.

– М-м-м? – поднимаю голову.

– Я могу тебя с детьми оставить? Ничего не учудишь? – хмуро сводит брови.

– Что? – округляю глаза недоуменно. – Нет, что вы. Я... справлюсь, – обещаю, но сама себе не верю.

– Звони, если что. В любое время суток, – визитку свою оставляет.

Стоит Бересневой покинуть комнату, как начинается нечто страшное.

Анечка и Артем будто специально ждали, когда мы останемся наедине. Я едва успеваю разобрать вещи и перекусить, как они просыпаются. И начинают мяукать в унисон. Сначала, как два маленьких котенка, но чем дольше я медлю, тем громче становятся их голоса. Радует одно: двойняшки наконец-то набрались сил, ведь в первые дни даже толком не кричали, только отсыпались. Худенькие, слабые. От одного взгляда на них сердце замирало.

То ли дело сейчас, когда мы оказались дома...

– Рыжики, тише, – уговариваю их я, а сама на часы поглядываю. Измученный мозг все никак не может высчитать, пришло ли время кормить малышей.

Лихорадочно переодеваю их, сменив подгузники, а после – пытаюсь устроиться так, как мне показывала акушерка, чтобы одновременно обоим к груди приложить. Но подушки выскальзывают из-под моих локтей, рыжики ерзают слишком бойко на моих руках, отворачиваются и вопят что есть мочи, разозленные и голодные.

Вздыхнув, перекладываю детей на кровать, как можно дальше от края. Стараюсь игнорировать многозначительный стук в стену от бабули-соседки.

– Будто я специально детей орать заставляю, – бубню себе под нос гневно. – Наслаждаюсь плачем! – фыркаю.

Не выдержав, несколько раз ударяю в стену в ответ.

– Я сейчас детей вам принесу, а сама сбегу, – выкрикиваю я в тонкую перегородку между комнатами. – Я молодая и

дурная, легко так сделаю, – лгу я, ведь никогда не поступлю подобным образом.

Но моя угроза на бабулю действует. Слышу приглушенное бурчание, а потом шаги отдаляются – и с той стороны становится тихо. Чего не скажешь об этой.

Выдохнув со стоном, решаюсь на крайние меры. Нахожу в сумке пустышку, которую мне еще Снежана в роддоме вместе с подгузниками подсунула, заговорщически подмигнув, ведь акушерки категорически ее не рекомендуют. Но выбора у меня сейчас нет.

Занимаю ротик Артема соской, а Анечку беру на руки. Кормлю по очереди, ощущая, как капельки пота проступают на лбу и висках. Температура скачет безумно из-за прихода молока.

Несмотря на сытость, малыши успокаиваются не сразу. Некоторое время лежат на мне на животиках, потом отвлекаемся на водные процедуры. Пока что нам хватает таза с теплой водой, но...

Обреченно осматриваю обшарпанную комнату и понимаю, что она совершенно не подходит для моих рыжиков. Надо придумать что-то! Срочно! Я на все пойду ради детей. Даже готова опозориться перед отчимом и попросить помощи у мамы. А что если бабуле позвонить?

Пока размышляю, покачиваю детей, и они затихают.

Хочу вздремнуть с ними. Хотя бы часик, но что-то неприятно царапает внутри. Будто я забыла нечто важное, не вы-

полнила, не сдала... Замутненное сознание выбросило всю информацию и сосредоточилось на материнстве. А я сама чувствую себя, как выжатый лимон. Тяжело...

В воцарившейся тишине прислушиваюсь к жужжанию, доносящемуся из сумки. Осторожно, чтобы не разбудить крикливых рыжиков, я достаю телефон. Зеваю, поворачиваю к себе дисплей – и едва не вскрикиваю, но вовремя рот ладонью закрываю. Сон как рукой снимает, а сердце панически заходится в груди.

– Вот что я забыла! – едва ли не рыдаю я, читая имя входящего.

«Босс», – так я сохранила номер руководителя компании, для которой делала эскизы. Однако последний не успела сдать.

Просрочила. И теперь мне конец!

Ведь босс впервые решил позвонить лично. Видимо, сильно раздражен.

Кошусь на часы... В такое позднее время вызывает. Да он адски зол, наверное!

Одной рукой продолжаю сжимать телефон, а второй нащупываю планшет. Пытаюсь вспомнить, на какой стадии я оставила эскиз, прикинуть, как быстро смогу его закончить. Но отвлекаюсь на почту.

Телефон прекращает вибрировать, а я читаю электронное письмо от босса. Жесткое, холодное, без смайлов, в конце концов. И слова такие... Пропитаны гневом. Через экран он

сочится.

Босс. Меня. Уволит!

Оставит без денег! Боже, только не сейчас...

Дисплей телефона вновь загорается. Очередной звонок добивает меня.

Мне страшно брать трубку. Поэтому я даю себе еще пару секунд, чтобы собраться с духом.

Осознаю, что никогда раньше не слышала голос босса, не разговаривала с ним. И не знаю, что ожидать и как общаться. Он же не будет орать на меня?

Будет, Злата, еще как будет...

– Черт, – хнычу я и закусываю губу.

Отхожу к окну, дальше от спящих рыжиков, и дрожащими пальцами пытаюсь попасть по иконке ответа. Растягиваю губы в улыбке и стараюсь быть милой:

– Доброй ночи!

– Злата?

Мы произносим свои обрывистые фразы одновременно. И резко умолкаем, вслушиваясь в голоса друг друга.

На секунду забываю, как дышать. Не понимаю, что со мной, наверное, это нервное. Но я замираю, уставившись через окно в звездное небо, и вся превращаюсь в слух. Пропускаю сквозь себя странное ощущение дежавю, вызванное хриплым мужским шепотом.

Всего одно слово. Мое имя, произнесенное как-то по-особенному, знакомо...

Терпеливо жду еще какой-нибудь фразы, чтобы развеять сомнения и унять волнение.

Босс почему-то тоже медлит. Пауза становится мучительно долгой. И в повисшей тишине различаю лишь гул собственного сердца. Оно окончательно взбесилось, стучит в ребра до боли, рвется из груди. Словно подбитая птица, трепыхается в клетке.

Затаив дыхание, будто вор, застигнутый на месте преступления, я долго не решаюсь заговорить первой. На том конце провода доносится хриплый кашель, тяжелый вздох – и вдруг...

– Злата, вы должны были прислать исправленный эскиз, – чеканит босс строго, с нотками стали, от которых дрожь проходит по всему телу. Туман рассеивается, и этот жесткий голос теперь кажется совершенно чужим. Опасным и злым. – Заказчик в ожидании, а я не могу подписать выгодный контракт.

Превращаюсь в ледяную глыбу, боюсь пошевелиться. С трудом размыкаю губы – и вновь сжимаю. Делаю глубокий вдох. И отвечаю смелее и бодрее:

– Эскиз на финальной стадии, – лгу я, стараясь звучать как можно правдоподобней. – Я как раз собиралась выслать, но случился форс-мажор, – оглядываюсь на рыжиков и улыбаюсь. Они милые, когда не кричат, и в этот момент я могу в полной мере ощутить свое счастье. – Даже два... – добавляю нежным шепотом, отчего босс странно хмыкает. Заставляю

себя прийти в чувства. – Мне нужна эта ночь на доработку. Если бы вы... – запинаясь, понимая, что не могу никак обратиться к нему. – Простите, не знаю вашего имени... – краснею, как подросток.

– Марк, – представляется чересчур просто и близко. Будто беседует со мной по душам, а не нагоняй выдает.

– М-м-м? – в горле пересыхает. И вместо вопроса об отчестве вырывается лишь сдавленное мычание.

– Марк Альбертович, – исправляется поспешно. – Туманов, – совершает контрольный выстрел. – И вы работаете на мой медиахолдинг, Злата. Давно нужно было познакомиться. Может, тогда бы вы ответственнее подходили к заданиям, – чуть ли не рычит.

Но страшно мне не от его тона. Другое заставляет мое сердце сжаться...

Марк Туманов... Мне послышалось?

Около девяти месяцев назад я должна была явиться к нему на собеседование, но вместо этого переспала с одним из его подчиненных. Из рекламного отдела, на который я сейчас работаю... Это очень злая ирония судьбы! Хуже будет, если Туманов устанет возиться со мной лично – и перепоручит это... тому самому Никитенко.

Разве смогу я разговаривать спокойно с мужчиной, который не выходит у меня из головы? С отцом своих детей?

Мне резко становится жарко. Импульсивно открываю окно, но вспоминаю о малышах – и собираюсь захлопнуть как

можно скорее, чтобы сквозняком их не продуло. Однако порыв холодного ветра бьет по старой створке. От неожиданности отпускаю ее, а она со звоном стекла и дребезжанием рамы распахивается настезь.

От громкого звука малыши пугаются. Секунда – и уши закладывает от их криков, жалобных, ошеломленных. Прикрываю динамик телефона рукой, но осознаю, что это глупо. В комнате стоит такой ор, что босс не может не заметить.

– Что это? – хрипло и растерянно уточняет Туманов.

И опять вызывает смутные чувства.

Но мне не до глупых галлюцинаций – необходимо рыжиков успокоить. Между злым боссом и детьми я выбираю последних. Потому что они – мой новый смысл жизни.

– Извините, я перезвоню, – одной фразой, кажется подписываю себе заявление на увольнение. И отключаюсь, подводя черту.

Пытаюсь все-таки закрыть окно, лихорадочно борясь с расшатанной рамой. Тем временем Артем переходит на ультразвук, а Анечка – мяукает нараспев. Едва не выдавив стекло, я все-таки выхожу из этой битвы победителем, правда, растрепанным и продрогшим. Но о себе думать некогда – я мчусь к рыжикам. Подбегаю к кровати и резко врастаю в пол, обращаясь в живую статую. Стою и моргаю, а глаза слезами бессилия наполняются. Ведь я... не знаю, кого из малышек первым хватать на руки.

– Тш-ш, – шикаю аккуратно, но они не слышат даже. – А-

а-а, баю- бай, – напеваю срывающимся голосом.

Все тщетно. Ночной концерт по заявкам в самом разгаре. И достигает своей кульминации. Пиком становятся пару не слишком настойчивых ударов по ту сторону стены: видимо, все-таки испугала я бабулю. Да и те тут же затихают. Чего не скажешь о двойняшках.

– Откуда у вас сил столько. Сами крошки, а орете... – размышляю вслух. – Тьху-тьху на вас, лишь бы здоровые были, – осекаю себя. И так достаточно скоропалительных слов наговорила, пока вынашивала моих рыжиков. Теперь корю себя за все. А особенно за то, что жалела о беременности...

– Все будет хорошо, – сама не понимаю, кого успокаиваю: рыжиков или... себя. – Вы просто испугались, а я вас успокою.

Делаю глубокий вдох, впуская в легкие жизненно важный в этой ситуации кислород. Медленно выдыхаю, чувствуя, как немного проясняется сознание. Тут же в мозг врезаются жалостливые голоса детей. Но теперь воспринимаю их иначе.

Поразмыслив, сначала сама устраиваюсь на кровати, потом беру Анечку, потому что с ней проще обращаться, укладывая ее на левую руку. А правой – осторожно поднимаю Артема. Вместе с детьми откидываюсь назад, опираюсь спиной о подушку – и начинаю укачивать обоих.

Мычу какие-то звуки, издавая напоминающие колыбельную, ведь сил на что-то большее не осталось. Я опустошена. Испугана. Одна. Но обязана справиться. Теперь точно нет

пути назад.

И я не хочу отступать. Материнский инстинкт оказался сильнее циничного расчета. И я отдаюсь ему без остатка, растворяясь в новых для меня эмоциях.

Постепенно успокаиваюсь, а двойняшки будто чувствуют мое настроение. И как по волшебству затихают. Согреваю их своим теплом – и самой жарко становится. Не замечаю, как проваливаюсь в дрему.

Кажется, мне хватает минут двадцать, чтобы выспаться. Ощущаю себя почти Штирлицем. У меня не менее важная миссия: приложить к груди детей. Делать это как можно чаще, чтобы драгоценное молоко не пропало.

В этот раз на удивление справляюсь с кормлением одновременно двоих малышек. Легче управляться с рыжиками, когда они спят, а вместе с ними – и мои нервы.

Когда я завершаю все дела, за окном уже брезжит рассвет. Оставив спящих детей на кровати, я с тоской беру планшет. Осознаю, что босс не простит мне просрочки и нагло оборванного звонка. Да и декретница с двумя детьми, которым чуть больше недели от роду, в медиахолдинге великого Туманова явно ни к чему. Я все понимаю, но не могу не закончить эскиз. Совесть не позволяет бросить начатое.

Отгоняю сон, который так и норовит опутать меня своими сетями, и открываю программу. Вспоминаю, какие правки требовал внести Туманов, делаю его вариант быстро и без души. Чисто технически. Надо бы отправить, как есть – за-

дание же выполнила! Но...

Рука со стилусом больше не слушается крика разума. Она сама порхает, ведомая вдохновением и азартом. Закусываю губу и время от времени дыхание задерживаю, особенно когда вывожу мелкие штрихи. Взглянув на результат, свожу брови недовольно. Чего-то все равно не хватает!

Мысленно перебираю пункты, что расписал Туманов, и все-таки использую пару его советов.

И вдруг! Детали пазла сходятся. Как инь и янь. Создают идеальную картину.

Довольная собой, отправляю эскиз боссу по почте. И леденею изнутри.

Момент, когда я потеряю работу и единственный способ выжить с рыжиками, максимально близок.

Телефон коротко жужжит – и умолкает.

«Перезвони, когда освободишься, Злата», – гласит единственное сообщение. И я тут же набираю сохраненный номер.

– Марк Альбертович, я уволена? – вместо приветствия выпаливаю.

Нервы сдают. Хрупкий внутренний рычаг, который каким-то чудом сдерживал меня от отчаяния все эти дни, вдруг срывается. Глаза щиплет от слез, щеки влажнеют, виски пронзает болью, в солнечном сплетении сжимается тугой огненный шар.

– Вы даже не оформлены, Злата, – неожиданно подшучи-

вает, казалось бы, разъяренный босс. – Как я вас уволю, – хмыкает снисходительно, пока я проглатываю эмоции вместе с солеными каплями, что слизываю с губ. Не могу ни слова из себя выдавить. И не до конца понимаю, что решил Туманов. А ведь в его руках сейчас судьба сразу трех человек. – Злата? – зовет он чуть тише и серьезнее.

– Да? – невольно всхлипываю. И тут же дыхание задерживаю, чтобы он ничего не услышал. Не хватало еще в трубку боссу разреветься. Странно, что я вообще так расклеилась с ним. С посторонним мужчиной!

Приказываю себе собраться и успокоиться. Но следующий вопрос Туманова беспощадно выбивает меня из колеи.

– У тебя есть ребенок? – в его тоне прослеживается удивление и... что-то еще. Может, укор?

– Двое, – бросаю с толикой вызова. Не собираюсь скрывать родных малышей, будто это нечто постыдное. И осуждения со стороны чужого человека не потерплю!

– Кхм-кхм, – надрывно кашляет. – Но... – продолжает с хрипотцой. Обволакивающей, приятной и до безумия знакомой. Встряхиваю головой, чтобы отогнать странные мысли. – Ты неправильно свой возраст в анкете указала?

– Почему? – хмурюсь я.

Протягиваю свободную руку к планшету, хочу почту открыть и проверить ту самую анкету, что давным-давно Туманову отправляла вместе с примерами работ. Что не так с моим возрастом? Пытаюсь свернуть графическую програм-

му, но палец соскальзывает – и я случайно выдергиваю из проектов свой незаконченный рисунок. Он мгновенно расползается на весь экран.

– Тебе еще нет девятнадцати, а уже двое детей, – поясняет босс прежде, чем я сама проверить успеваю.

– Двойняшки, – проговариваю машинально, а сама гипнотизирую изображение на планшете. С него на меня смотрит... отец моих детей. Не уверена, что нарисовала ее точно. Скорее, отразила отдельные черты, которые остались в сознании, а остальное дофантазировала. Например, нереальные глаза-хамелеоны. Не бывает таких. Что только не придется в тусклом отблеске луны!

Я не портрет, а эмоции свои запечатлела. И не могу самой себе объяснить, зачем это сделала. В то время как надо выбросить незнакомца из памяти, я все глубже врезаю в себя его образ. То, что смогла запомнить в сонной ночной полутьме и рассмотреть в роковое утро.

– Хм, повезло, – с необъяснимой тоской тянет Туманов.

Умолкаем оба на какое-то время. Лишь дышим в трубку. Сбивчиво, но почти в унисон.

Не свожу глаз с недорисованного портрета. А ведь где-то там, в медиахолдинге, до сих пор работает... он. Живет в свое удовольствие, ходит как ни в чем не бывало, так же, как и я, задания босса выполняет – и не догадывается, что у него растут двое детей. Чувствую резкий укол в сердце. А ведь нечестно это. Он имеет право знать.

С другой стороны... невеста у него. Или жена. Может, общие дети. И тут я, случайная девочка на одну ночь, которая однажды не смогла совладать с собой. Сорвалась, хоть до сих пор я ума не приложу, как так вышло...

Одним рваным движением переворачиваю планшет дисплеем вниз.

– Да уж, – вздыхаю, напрочь забыв о теме разговора с боссом. В собственных переживаниях тону, но хриплый баритон служит спасательным кругом.

– Нет, серьезно, – убедительно произносит Туманов. – Молодцы вы с мужем. Поздравляю, – старается бодро говорить, но его явно гложет что-то. Бойтся рабочую силу в моем лице потерять? Логично.

– Спасибо, – оглядываюсь на рыжиков и улыбаюсь. – Но я одна. Нет мужа, – признаюсь простодушно.

И тут же рот прикрываю. Почему меня вдруг на искренность потянуло? Вот что затянувшееся одиночество делает с человеком. Я готова кому попало открыться. И в жилетку поплакаться.

– Вот урод, – рычит чуть слышно босс.

– Что? – шокировано уточняю. – Он не... – машинально незнакомца защитить хочу, оправдать.

– Ничего, – перебивает Туманов. – Я так понимаю, ты не сможешь некоторое время работать. Тебе нужен отпуск?

О, нет. Мы добрались до того, чего я так дико боялась.

– Мне нужны деньги, – сиплю тихонько и ругаю себя за

слабость. – Нет-нет, что вы, я справлюсь, – спешу заверить его. – И новые заказы возьму. Я буду очень стараться. Прошу вас, не выгоняйте меня, – чуть ли не умоляю, затоптав свою гордость, и стискиваю зубы до скрежета.

– Я изучил твой вариант эскиза, – стальные нотки возникают в его голосе. Туманов переходит на деловой тон, а мне не по себе становится. С нетерпением жду вердикта. – Ты прислушалась к моим рекомендациям, – хмыкает довольно. – Пусть не ко всем, но... – короткая пауза заставляет легкие сжаться. – Так даже лучше. Я покажу заказчику именно тот эскиз, что сделала ты, – заключает он, и я прикрываю глаза от облегчения. – И если ты действительно готова продолжать работать...

– Конечно! Даже не сомневайтесь, – киваю интенсивно, будто он видеть меня может.

– Я отправлю тебе пару новых заказов, – продолжает, – но ты не торопись. Работай в комфортном для тебя темпе. Что-то не успеваешь – сразу говори. Или пиши, если стесняешься меня, – с непривычным ехидством усмехается, словно удовольствие получает от моего смущения. – И еще... – произносит мягче, с долей участия. – Если тебе что-нибудь нужно, обращайся.

– Спасибо. Вы и так сделали очень много для меня, – выпаливаю с благодарностью. – Для нас, – вновь кошусь на малышей.

Был бы Туманов рядом, точно бы обняла его на эмоциях.

Он даже не представляет, как спасает нас. Подав руку помощи, буквально вытаскивает из ямы безденежья и отчаяния.

– Пожалуй, сейчас отправлю, – бубнит себе под нос, словно не со мной разговаривает, а о чем-то своем думает. И отключается, не попрощавшись.

Жду, когда на почту придут задания, чтобы приступить к ним немедленно, пока дети спят. Но вместо этого почему-то пиликает телефон. Открываю банковское уведомление. И прищуриваюсь непонимающе.

«Аванс», – прилетает следом короткое СМС от босса.

Впиваюсь ошеломленным взглядом в цифру. Количество нулей меня напрягает. Может, у меня двойится в глазах от усталости? Пересчитываю еще раз. Нет, все верно.

Если эта огромная сумма – аванс, тогда я, кажется, в пожизненном рабстве. Потому что мне сложно будет ее отработать. Но и отказаться не могу. Слишком вовремя.

Жизненно необходимо.

Глава 12

Несколько месяцев спустя

Злата

«Паркуем» наши бейби-мобили возле детской поликлиники и переглядываемся со Снежаной, киваем друг другу. Как сплоченная команда, перед которой стоит архи важная миссия, мы общаемся знаками и молниеносно меняемся местами. После рокировки молча достаем из люлек малышей: я – Артема, а подруга – свою Риту. Делаем все максимально осторожно и тихо, потому что дети спят.

Сынишку продолжаю держать на руках, ведь нам предстоит визит к окулисту. Покачивая, краем глаза наблюдаю, как Снежана укладывает дочь на место Артема, нашептывает ей что-то нежно, а заодно ласково касается щечки моей Ани, шапочку ей бережно поправляет. Она так трепетно обращается с детьми, что невольно улыбаюсь.

Бросаю взгляд на одноместную коляску, которая сейчас пустует рядом с моей двойной, – и уголки губ сползают вниз. Не представляю, как Снежана держится. Как не сорвалась до сих пор? Ведь у нее должны были быть близняшки... Жалею подругу, а сама провидение благодарю за то, что оба моих рыжика со мною. И с лютым раскаяньем вспоминаю, как собиралась отказаться от них. Боже, как я противна сама себе. Мои сомнения, страхи и проблемы настолько ничтожны по

сравнению с той трагедией, которая обрушилась на Снежану...

О том, что подруга родила раньше срока, я узнала не сразу. Погрузилась в личные заботы: уход за детьми, оформление документов, подготовка эскизов для Туманова, переезд в небольшую, но уютную квартирку, на съем которой я и потратила аванс... Так закрутилась, что лишь через месяц вспомнила о Снежане. И была шокирована новостью, что она потеряла одну малышку при родах. В тот же вечер я пригласила подругу к себе в гости – и мы проревели до утра, пока наши дети спали.

С каждым днем мы становились еще ближе, сплоченнее. И до сих пор помогаем друг другу, а наша дружба крепнет.

– Забирай сумку, Снежка, – шепчу ей, справившись с эмоциями. – А коляску вашу на площадке у поликлиники оставим пока. Я надеюсь, что мы быстро, – нахмурившись, смотрю на Артема. Он на мгновение сонно открывает глазки, но тут же жмурится, потому что по-весеннему слабые солнечные лучи падают ему на лицо. Успеваю заметить, как его радужки играют необычными цветами: изумрудно-зеленым и серо-голубым.

Убедившись, что я рядом, рыжик опять засыпает, а я рвано выдыхаю, пытаюсь заглушить судорожный всхлип.

– Не переживай так, Злат, – заметив мои мучения, успокаивает Снежана. – Ничего страшного не случилось! Вот увидишь, окулист подтвердит, что все с Темочкой в порядке, –

перевешивает свою сумку на двойную коляску. – Меньше в интернете надо было рыскать. Там мамки каких только глупостей не напишут, а еще вредные советы дадут, как народными методами лечить или к какой бабке водить, – закатывает глаза.

Шмыгаю носом и судорожно хихикаю. Снежана – полная моя противоположность. Она уравновешенная, серьезная и очень сильная, если смогла пережить потерю ребенка. А я паникерша, бросаюсь из крайности в крайность и нервничаю по любому поводу. Особенно, когда речь идет о рыжиках моих любимых.

– Ты же знаешь, Снежка, с каким нетерпением я ждала, когда у них цвет глаз определится. Интересно было. И вдруг... Такое, – постанываю и крепче к груди своего бутуза прижимаю.

– Опять начинаешь? – фыркает на меня подруга, но тут же на девочек отвлекается, которые ворочаются в коляске. Ориентируется быстро и начинает качать их.

– Так, ждите нас в сквере через дорогу, – веду плечом в нужном направлении, потому что руки заняты.

– Так точно, мэм, – выравнивает спину Снежана и брови сводит. Намеренно приободрить меня пытается.

Убедившись, что я собралась с духом, она выруливает с площадки, направляется к дороге. Провожая подругу с малышками теплым взглядом и разворачиваюсь к поликлинике. Но слышу позади гул двигателя, всплеск воды и возму-

ценный «ай» Снежаны.

Оглядываюсь и успеваю заметить на правой полосе белый внедорожник, который отдаляется. Надо бы номера на заляпанном бампере запомнить, но я перевожу напряженный взгляд на подругу. Она находится сейчас у обочины дороги, а коляску собой прикрывает. Материнский инстинкт сработал машинально. Поэтому я и доверяю рыжиков Снежке. Сама пострадает, но деток яростно защищать будет. Не то, что я, непутевая...

– Осторожнее, – рывкает она вслед автомобилю и, оттряхивая плащ от коричневых капель, бурчит себе под нос: – Придурок.

Внедорожник притормаживает, дает заднюю – и уже бесшумно возвращается к нам, останавливаясь посреди огромной лужи. Не до конца осознав, что именно произошло, я испуганно спешу на помощь подруге. Мало ли, какой псих за рулем дорогого авто.

Стекло со стороны пассажирской двери опускается, но водителя мне не видно. Зато Снежана посылает ему испепеляющий взгляд.

– Извините, не заметил вас. И эту лужу дурацкую, – доносится из салона мужской голос. Почему-то я замираю на месте, не смея сделать шаг. Пристально изучаю машину, но сквозь тонированные стекла сзади ничего не рассмотреть. Впрочем, зачем мне знать, кто внутри? – Вы слишком резко подошли, – продолжает разговаривать со Снежаной, а я так и

стою чуть поодаль. – Все нормально? Может, подвезти вас?

– Это вы слишком неаккуратно водите, – парирует подруга. – Нормально, уезжайте, – отмахивается и демонстративно отворачивается. Возится с нашими малышками, которые от шума все-таки проснулись.

– Еще раз прошу прощения, – с хрипотцой повторяет мужчина. Медлит некоторое время, будто наблюдает за детьми. А потом резко трогается с места, вызвав очередную бурю негодования у Снежки.

Я же не свожу взгляда с белого внедорожника. Не понимаю, почему меня он так манит. Прокручиваю в голове голос, но он тонет в гуле бешено стучащего сердца.

Когда авто скрывается за поворотом, я поднимаю глаза на шпиль одной из высоток, что маячит вдали. Знаю, что в нескольких кварталах отсюда расположен медиахолдинг Туманова, где работает... ОН. Возможно, каждый день ездит в офис по этой дороге. Совсем рядом, но в то же время бесконечно далеко.

– Златка, запись к врачу! – вырывает меня из полузабытья Снежана, а еще Артем начинает плакать.

– Да, бегу, – спохватываюсь я, отчитывая себя мысленно: о детях думать надо, а не грезить о случайном мужчине, который провел со мной единственную ночь. И наверняка забыл. Сразу же. А я... дура!

Быстрым шагом поднимаюсь по ступенькам – и скрываюсь в поликлинике. Сейчас у меня есть дело гораздо важнее.

Мой рыжик.

– Были какие-то травмы? Удары? – как бы невзначай уточняет врач, осматривая Артема.

– Нет, что вы, – возмущенно выпаливаю.

Неосознанно руки сжимаю на животике сына, желая развернуть его к себе, крепче обнять и от всего мира защитить, но вовремя останавливаюсь. Окулист ведь просил не делать резких движений, пока он глазки проверяет.

– Так, хорошо, – мужчина убирает приборы, но я не спешу вздохнуть с облегчением. Жду диагноза и дрожу, боясь услышать что-то страшное. Непоправимое. – Тогда у меня к вам пара вопросов, – направляется к столу.

Удобнее перехватив сынишку и усадив его на сгиб локтя, покорно следуя за врачом.

– У вас или у мужа в роду встречалась гетерохромия? – невозмутимо спрашивает, карту листая.

Обреченно опускаюсь на стул и часто дышу, пытаюсь слезы сдержать. Но паника накатывает волнами, надвигается цунами и закручивает душу в вихрь. Не могу противостоять ей.

– Это опасно? – всхлипываю, а малыш вторит мне, впитывая негативные эмоции. Вот-вот мы разрежемся вместе прямо в кабинете. – Лечится?

– Нет, зачем? – доктор смотрит на меня, как на дурочку. Я же готова в обморок рухнуть от его хлесткого «нет». – Так что, были родственники с такой особенностью? – повторяет

свой вопрос четче, выделяя каждое слово.

Делаю глубокий вдох, отгоняю слепую материнскую истерику и включаю здравый смысл. Я же читала о гетерохромии вчера. Кажется, это наследственное. Но я не помню, чтобы у кого-то из моих родных было нечто подобное. Ни мама никогда не упоминала, ни бабушка. Главная наша генетическая особенность – это огненно-рыжие волосы.

Опускаю голову, заглядываю в глаза рыжика, изучаю яркие радужки. И уголки губ сами вверх ползут. Артем успокаивается вместе со мной. Цвета кажутся еще сказочнее, а взгляд – фантастическим.

Неужели от... папочки?

– Возможно, – пожимаю плечами. Плохо помню детали. Ночью я была сама не своя, а утром незнакомец спал...

– Что ж, наследственная гетерохромия, появившаяся с рождения, обычно не несет вреда, – постановляет доктор и попутно делает какие-то пометки в карточке. – На зрение не влияет и не нуждается в коррекции. Однако будем наблюдать. На всякий случай, – выписывает мне талон на следующий прием через два месяца. Очередь к нашему окулисту огромная, поэтому он заранее выделил для нас время. – Не волнуйтесь так, но и бдительности не теряйте, – поднимает взгляд на меня. – На данный момент поводов для беспокойства я не вижу. Будут жалобы – звоните, – визитку протягивает.

Радостно киваю, чмокаю рыжика в щечку, заставляя его

хихикнуть, а потом подскакиваю с места.

– Спасибо вам, – выпаливаю на эмоциях.

Окрыленная хорошей новостью, покидаю кабинет. Чувствую себя так, будто миллион долларов в лотерею выиграла. Ведь самое страшное позади. Невыносимо, когда болеют дети. Даже обычная простуда для меня сродни апокалипсису. Сердце щемит при виде несчастных малышей, которые мучаются, плачут, не спят ночами... Ужасно.

Если бы сегодня Артему вынесли серьезный диагноз, я бы с ума сошла.

Но все хорошо. Хорошо!

Просто мы в папочку. Наверное...

Даже в детях ОН меня преследует. Словно незримо находится рядом.

Вздрагиваю от вибрации телефона в кармане, с трудом достаю его, едва не уронив, взглядом пробегаю сообщение от босса. И смеюсь заливисто.

Ведь я получу очередной заказ, а после его выполнения – деньги. Зарплату Туманов никогда не задерживает. Еще и премии порой дает. Я привыкла к его щедрости и стараюсь не думать, чем она обусловлена. В конце концов, я даже не трудоустроена официально, а босс и вовсе думает, что я живу в другом городе. Так что никаких подводных камней. Между нами просто работа.

– Какой отличный день, да, рыжик? – целую Артема в носик, усаживаю в коляску подруги и везу в сквер. – Давай уго-

ворим тетю Снежану сходить в детское кафе возле цирка. Что думаешь? – беседую с сынишкой, хоть он не разбирает слов. Лепечет что-то на своем, мяукает. – Так и знала, что тебе понравится идея. Осталось обрадовать Анечку и Риту.

Дети у нас со Снежаной хоть и крохотные совсем, но – за любой шухер. И с интересом посещают новые места. Сегодня мы все имеем право немного отдохнуть и развеяться. После прогулки рыжики, может, уснут легче. Позволят мне поработать ночью.

И все-таки... Прекрасный день!

В квартирку на окраине города мы с рыжиками добираться поздним вечером. И сейчас я ощущаю себя уставшей и измученной. А ведь мне еще эскиз делать. Хотя бы начать.

Освобождаю сонных детей из автокресел, беру Анечку, пока таксист достает коляску из багажника. Небрежно ставит рядом, толком не разобрав. Так что мне приходится самой это делать одной рукой, держа дочь на локте. Устраиваю ее в люльке, а следом Артема укладываю. И только потом расплачиваюсь с недовольным таксистом, который с самого начала пути постоянно торопился куда-то. Настолько, что я на секунду даже испугалась, что он с сыном моим на заднем сиденье так и умчится. Не заметит впопыхах, что ребенка я не забрала.

Бурчу противному мужчине слова благодарности, которой не испытываю, – и направляюсь к подъезду. Во дворе

кромешная тьма. Видимо, опять свет выключили: электросети в районе старые, то и дело аварии случаются. Каждый раз это меня жутко нервирует, ведь я не имею постоянного доступа к интернету и не могу с боссом общаться. По поводу работы, конечно же. Ничего личного! Правда, иногда Туманов спрашивает о детях, интересуется, все ли у них нормально. Из вежливости, я думаю, но мне приятна его забота.

Встряхиваю себя мысленно, запрещая мечтать о женатом боссе. Но стоит забыть о нем, как в голову незнакомец лезет. Что за напасть? Проклятие мое!

С трудом различаю путь, иду по неровной плитке максимально осторожно, стараюсь не трясти коляску. У самого подъезда голову поднимаю. И сразу же в темноте замечаю чью-то сгорбленную фигуру на скамейке. Поздновато соседка воздухом подышать вышла. И что это за сумки у ее ног? Впрочем, не мое дело.

– Добрый вечер, – приветствую я громко, потому что она глуховата, а сама иду дальше.

– Батюшки, чего орешь так, чуть богу душу не отдала, – летит мне в спину, и я вздрагиваю от родных скрипучих ноток в голосе. – Ты где была, гулена, полдня тебя жду, – звучит хоть и грубовато, но абсолютно беззлобно. – Еле узнала, куда ты из общаги переехала. К черту на кулички, ей-богу. Пока добралась, укачало меня в автобусе, – продолжает причитать, а я не смею оглянуться. – Еще козлиная какой-то мне по закруткам ногой стукнул. Зато так вылетел из автобуса,

когда я пообещала по помидорам ему дать, если мои пострадали, – звенит банками в сумках. – И что в итоге? Замок поцеловала! Хороша внучка. Ни на каникулы не приехала, ни на Новый год. Ни звонит даже. Зазналась совсем, столичная штучка...

Шаркающие шаги приближаются. Бубнеж становится громче.

– Б-бабушка? – разворачиваюсь и растерянно всматриваюсь в ее лицо, которое становится каменным, когда она наконец обращает внимание на двойную коляску.

– Батюшки, а это у нас кто? – ахает и сумки из рук выпускает.

На весь двор раздается звон стекла, рыжики от резкого шума просыпаются и пускаются в плач, а я зажмуриваюсь, мечтая телепортироваться отсюда куда подальше.

Мне конец! А ведь такой хороший день был...

Покормив рыжиков и уложив их спать, я некоторое время недвижимо сижу рядом, устремив невидящий взгляд в окно. Не решаюсь выйти из комнаты. Может, слиться с темнотой и сделать вид, что меня здесь нет? Нервно потираю вспотевшие ладони, тереблю край кофты и в целом чувствую себя школьницей, которая получила двойку и вырвала страницу из дневника, никому не сказав. Но теперь правда вскрылась – и меня ждет взбучка.

Хотя в действительности все гораздо сложнее и серьез-

нее. Бабушка у меня жесткая и строгая, но многое прощает. Кроме лжи. Это в нашей семье почему-то считается самым страшным проступком. С другой стороны, я ведь не врала, а лишь... утаила. Объясню, что момент удачный не подвернулся. Почти за полтора года...

Нет, все-таки мне конец.

Простонав на выдохе, я медленно встаю и крадусь к двери. Бесшумно покидаю комнату, топчусь неуверенно в мрачном коридоре, пытаюсь взять себя в руки. Делаю несколько шагов, но замираю на пороге кухни. Наблюдаю, как бабушка возится у плиты. Я привыкла хозяйничать здесь, все делать самостоятельно, но в данный миг чувствую себя гостьей и даже голос подать не смею.

Бросаю тоскливый взгляд на накрытый стол, вбираю аромат чего-то вкусенького, перемешанного с пряным запахом солений. Тех, которые удалось спасти после падения. Пара банок всего уцелели, но хоть что-то. Иначе бабуля меня бы прямо в подъезде прибила. Впрочем, она отвлеклась на ругань с соседом с первого этажа, который выскочил на грохот и небрежно приказал мне «детей орущих заткнуть». Тут бабушка и взорвалась, так что мужика даже жалко стало. Еле увела ее.

А мне теперь придется брать весь удар на себя, потому что родственница явно на взводе. Судя по тому, как угрожающе нож и лопатка по столешнице летают.

– Есть садись. И чай пить, – рявкает недовольно, словно

почувствовав мое присутствие. – Тебе хорошее питание надо, витамины и больше жидкости. Худая совсем, и молоко небось «синее». Водой моих внуков кормишь, – бурчит она, но при этом не оглядывается даже. Как рассмотрела вообще, что я худая? Мало того что электричество не включили и помещение лишь тусклыми фонариками освещено, так еще бабуля спиной ко мне стоит.

Послушно падаю на стул, не смея перечить ей. Себе дороже!

– Что скажешь? – отрезает хлестко и, неторопливо развернувшись, ставит передо мной тарелку с картофельным пюре и тушеным мясом. Втягиваю носом воздух. Неужели кролик? Домашний... В желудке предательски урчит, но под строгим взглядом бабушки кусок в горло не лезет. – Это хотя бы стоило того?

Недоуменно взмахиваю ресницами, беру вилку, чтобы руки занять, прокручиваю ее. Не сразу понимаю, что подразумевает бабушка. Неужели о моих рыжиках говорит?

– Конечно! – хмурюсь и отвечаю, вздернув подбородок. – У меня лучшие дети. И я их люблю! Не жалею, что родила...

«А еще... что не сделала аборт. И что в роддоме их не оставила», – добавляю мысленно. Но никогда не озвучу вслух. Знаю, что разочарую бабушку.

– Хорошо, хоть мозгов хватило грех на душу не брать, – она сама догадывается, к чему я клоню. – Но я не о детях. Рыжики наши мне нравятся, хорошие получились, – цепляюсь

за ее отдельные слова: "мои внуки", "рыжики наши". Приняла все-таки? – Папка красавчик был, наверное?

– Угу, – мычу машинально.

Красивый... По крайней мере, мне так показалось в сумраке.

– Так вот. Дети – это святое. А я лично о тебе спрашиваю. Я имею ввиду, по любви великой хоть забеременела? Чувства испытала, счастлива была? – садится напротив и сканирует меня пристально. – Долго встречались? А потом бросил вас этот гад?

– Один раз, – слетает с губ. Зря! – И сразу расстались, – копаю себе могилу еще глубже.

Не рискую врать бабушке в глаза, ведь она как детектор лжи. Мгновенно и безошибочно определит, а потом накажет.

– Гулена ты все-таки. Как мать, – качает головой, а я краснею до корней волос. Вспыхиваю так, что похожа сейчас, наверное, на горящий факел. – Кто ж так в нашем родовом древе напортачил. Оставил ген «бестолковой мамки-одиночки»? – ее слова справедливы, поэтому особенно больно ранят.

Я сдаюсь. Эмоции, что копились во мне все это время, выплескиваются наружу. Прячу лицо в ладони и плачу надрывно.

Сквозь всхлипы с трудом и запозданием различаю, как двигается с характерным скрипом старый стул, а потом бабушка садится рядом со мной. По плечу похлопывает, чуть

приобнимает. И вздыхает протяжно.

– Не реви, – проговаривает мягче. – Учись принимать свои ошибки и делать вид, что так и было задумано, – поучает в свойственной ей манере. – Отчество хоть дала им?

– Свое... – рыдаю еще громче.

Я ведь имени незнакомца не знаю! Какой-то И. И.

– Даже тут по стопам Машки пошла, – вздыхает бабушка, но при этом по спине меня поглаживает. – У нас Ивановичи теперь все? Зато запомнить проще, – хмыкает. – Почему не сказала ничего? – стреляет вопросом, которого я так боялась. – Позвонить не могла? Матери хотя бы своей?

– Я ей звонила! – фыркаю возмущенно и заплаканное лицо вытираю. – Мама игнорировала. Мы же поссорились из-за Аси. Я не встретила ее, не позаботилась о сестре здесь... А как бы я смогла, если постоянно на сохранении лежала? – начинаю жалеть себя, и слезы опять ручьями текут по щекам. – В общем, мама Асю выбрала, – обиженно поджимаю губы.

– Да какую Асю, – отмахивается бабушка и тарелку ближе ко мне двигает. Все накормить пытается. Совсем как в детстве. – Хрен она выбрала...

– Ну, ба-а! – укоризненно тяну. И нос рукавом вытираю. Зато неожиданная грубость заставляет меня немного отвлечься. – Не ругайся, рыжики рядом, – пристыдить пытаюсь, но бабушка невозмутима. Впрочем, и малыши не понимают еще ничего, а дверь в детскую плотно закрыта.

– Что «ба»? – рывкает она. – Овощ такой. Растет в огороде, – выкручивается быстро. – Вот и живет мамка твоя с овощем, холит его и лелеет, слушается во всем. Лишь бы хрен не ушел, – вновь срывается.

Бабуле мой отчим сразу не понравился. И она единственная замечала его плохое отношение ко мне, а мама не верила. Или глаза закрывала.

– Ну, перестань, – все-таки защищаю родного человека. – Не должна же она собою жертвовать и в одиночестве до конца жизни быть, – отвожу взгляд, потому что по нему бабушка сразу поймет, что я лукавлю. Ведь на самом деле жутко ревную маму к отчиму. С его появлением я стала никому не нужна.

– Главное, чтобы ты, Злата, ошибок ее не повторяла, – внезапно произносит бабуля. И я все-таки смотрю на нее. Недоуменно и вопросительно. – Чего ты? Девка ты молодая, по-любому еще мужика встретишь, влюбишься, а потом...

– Нет-нет, – интенсивно головой качаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.